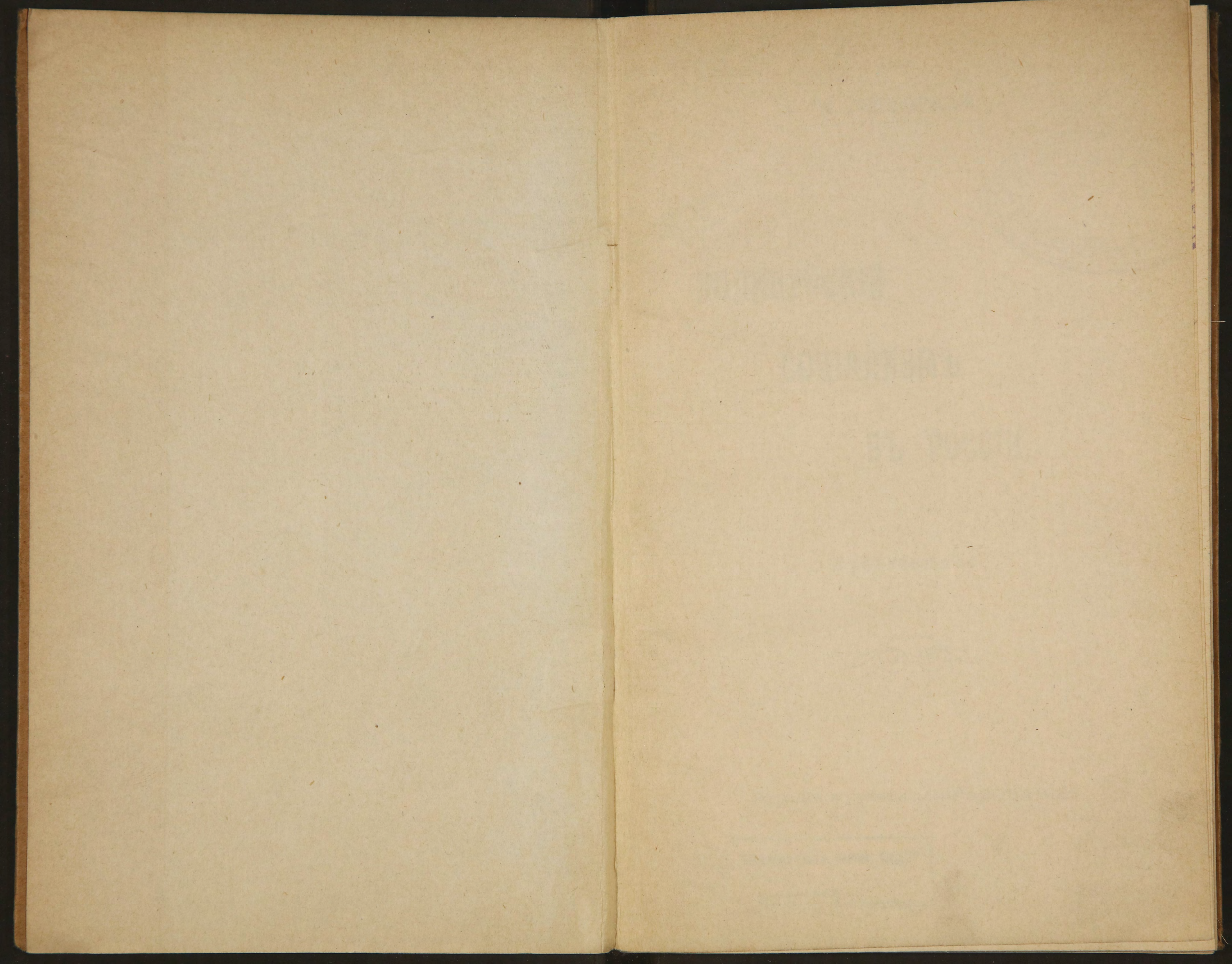

24274

24274

24274

• М. ГРИГОРЬЕВСКІЙ.

~~24274~~

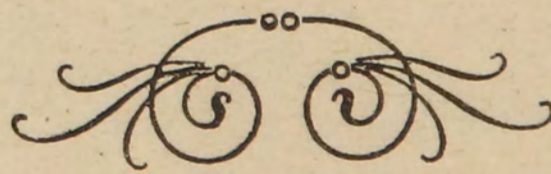

ПОЛИЦЕЙСКІЙ

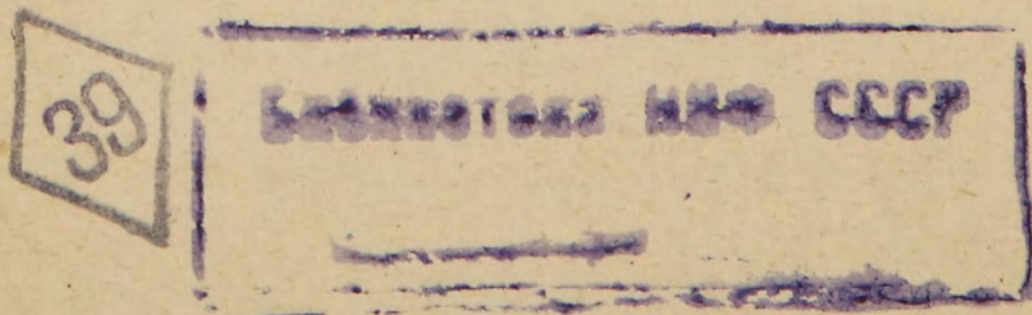
СОЦІАЛИЗМЪ

ВЪ РОССІИ.

(Зубатовщина).

Издание журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“

76222

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Авидона, Моховая 41.

1906.

Великій 1905 годъ—годъ славныхъ побѣдъ и неслыханныхъ страданій пролетаріата—показалъ всему міру удивительную политическую зрѣлость и организованность русскаго рабочаго. Вчерашніе рабы, забитые и безправные, повели ожесточенную борьбу съ полицейскимъ самовластьемъ, вынося всю тяжесть ея на своихъ плечахъ. Пролетаріатъ выказалъ чудеса героизма и самоотверженія, сознательности и дисциплины,—и на его грозную силу правительство обрушилось всѣмъ своимъ военно-полицейскимъ аппаратомъ, съ чудовищной жестокостью подавляя всякое политическое движеніе среди рабочихъ. Правительство поняло, что его смертельный и непримиримый врагъ—не буржуазія, не либералы, а одинъ только пролетаріатъ, организованный въ социаль-демократическую партію. Поняло то, о чемъ смутно догадывалось многіе годы. Правительство давно ждало появленія своего врага, пыталось задушить его еще въ колыбели, но всѣ попытки должны были остаться и остались безплодными. Пролетаріатъ росъ числомъ и сознаниемъ и, когда почувствовалъ свои силы, первымъ вступилъ въ бой на завоеваніе свободы и счастья для измученной и разоренной самодержавіемъ страны. Пролетаріатъ сталъ подъ красныя знамена....

Правительство не „уберегло“, пролетаріатъ оберегся: онъ пошелъ туда, куда зовутъ его классовые интересы.

Пролетаріатъ и самодержавіе непримиримы. Политика полицейскаго правительства въ рабочемъ вопросѣ состояла въ поддержаніи монархіи за счетъ пролетаріата. И въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ, отказавшись отъ роли пассивной жертвы, нашель въ себѣ силы стать активнымъ творцомъ новыхъ политическихъ формъ, существующій строй раскрыль всю свою вражду къ рабочему классу. Если въ прежніе годы тупые буржуа могли еще питать иллюзіи о возможности у насъ соціальной монархіи, то 1905 годъ уничтожилъ ихъ окончательно: связь самодержавія съ пролетаріатомъ поддержана была... одними лишь пушками и пулеметами. Разрывъ, рѣшительный и безповоротный, между пролетаріатомъ и самодержавіемъ былъ неизбеженъ. Онъ подготовлялся развитіемъ капиталистическаго хозяйства и вытекаль изъ него. Въ январскіе и декабрьскіе дни правительство пустило въ ходъ свой послѣдній аргументъ — силу штыковъ. До этой кровавой развязки штыки замѣнялись чаще плетью, тюрьмой и цѣлой системой утонченнаго полицейскаго воздѣйствія. Правительство не останавливалось передъ самыми свирѣпыми и хитроумными махинаціями, лишь бы укрѣпить рабочихъ на пути монархической вѣрнопопданности. Изобрѣтательности его въ полицейскомъ укрощеніи рабочаго класса не было конца,—и все же поражение самодержавнаго правительства было неотвратимо. Въ этомъ убѣждаетъ драматическая развязка полицейскаго социализма—грандіознаго опыта, предпринятаго самодержавнымъ правительствомъ для искорененія крамолы въ рабочемъ классѣ.

Вся политика правительства въ отношеніи къ рабочимъ въ теченіе десятковъ лѣтъ заключалась въ мѣрахъ полицейскаго укрощенія. Законодатель и администрація пытались привести рабочую массу въ состояніе тишины и спокойствія, всегда считавшихся въ полицейскомъ государствѣ показателемъ благополучія гражданъ. Издававшіеся съ этой цѣлью законы и распоряженія направлены были съ одной стороны къ физическому прекращенію возникшихъ и проявившихся наружу недовольства и „безпорядковъ“; съ другой — къ созданію такихъ „попечительныхъ“ нормъ, которыя бы не дали рабочимъ возможности впредь выказывать свое недовольство: фабрика, по уставу о промышленности, превращена была въ какой-то дисциплинарный батальонъ, въ которомъ заводской администраціи и полиціи предоставлена карательная власть надъ рабочими, а рабочіе лишены какой бы то ни было самостоятельности. Но этихъ мѣръ пресѣченія и предупрежденія оказалось мало. Рабочее движеніе не только не утихало, а, наоборотъ, съ каждымъ годомъ принимало все большіе размѣры. Ни административныя, ни уголовныя кары не могли удержать рабочихъ отъ неуклоннаго движенія впередъ — къ измѣненію не только экономическаго, но и правового своего положенія. Среди рабочихъ быстро распространилось политическое самосознаніе: политическая пропаганда, какъ видно изъ множества дѣлъ о такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ, несмотря на жестокія репрессіи, захватывала все большія рабочія массы. Соціализмъ дѣлалъ блестящія завоеванія. И тутъ-то у нашей бюрократіи родилась коварная мысль: захватить потокъ рабочаго движенія въ свои руки, отвести его съ политическаго русла на свою, полицейскую, мельницу и использовать его въ своихъ интересахъ. Недостаточно каръ и пресѣченій — надо дать рабочимъ что-

вибудь положительное и самимъ вмѣшаться во внутренній міръ рабочаго, противопоставивъ свою пропаганду революціонной. Тогда вмѣсто ожесточенія и недовольства существующимъ правительствомъ—разсуждали въ канцеляріяхъ и участкахъ,—рабочіе почувствуютъ къ нему привязанность и благодарность,—и у революціонеровъ исчезнетъ почва подъ ногами. Но какъ это сдѣлать? Задача была не изъ легкихъ. Чтобы привлечь рабочій классъ на свою сторону, у правительства оставался одинъ только путь экономическихъ уступокъ (политическихъ уступокъ самодержавіе не желало и не могло дать), а для этого пришлось бы по меньшей мѣрѣ: 1) измѣнить фабричное законодательство въ пользу рабочихъ и 2) предоставить имъ право союзовъ, собраній, стачекъ. Но первое неизбежно связано съ „посягательствомъ“ на интересы капитала, составлявшаго опору существующаго правительства. Въ то же время эксплуатація труда капиталомъ есть фактъ, все болѣе возбуждающій рабочихъ противъ фабрикантовъ и покровительствующей имъ власти. Зачѣмъ же власти терять свой престижъ изъ-за интересовъ капитала, отождествляемыхъ съ интересами правительства? Зачѣмъ правительству — глубоко-мысленно разсуждали въ участкахъ—изъ-за неудовольствія рабочихъ капиталистической эксплуатаціей терять вѣрноподданныхъ монархистовъ? Надо раздѣлить интересы капитала и власти и—такъ какъ противъ капиталистовъ, друзей существующаго строя, все же нельзя было открыто выступить,—вести противъ капитала борьбу тайно, негласно. Второе рѣшеніе—признаніе за рабочими права союзовъ, собраній, стачекъ—встрѣчало еще большія затрудненія. Права эти несовмѣстимы съ даннымъ политическимъ строемъ: пытаются такими средствами сохранить неограниченную монархію, значитъ

подкапываться подъ нее самое. Но рабочіе силой вещей толкаются на путь объединенія, это движеніе неизбежно; предстояла, слѣдовательно, задача захватить это движеніе, объединить рабочихъ, не давая имъ права союзовъ, собраній и стачекъ, а этого при данныхъ политическихъ условіяхъ и во имя сохраненія этихъ условій можно достигнуть лишь тайнымъ, негласнымъ путемъ. Такимъ образомъ планъ овладѣть рабочимъ движеніемъ неизбежно требовалъ для своего осуществленія таинственныхъ, негласныхъ средствъ. Это диктовалось и самой цѣлью задуманной мѣры: вѣдь она заключалась въ томъ, чтобы подъ видомъ покровительства и защиты интересовъ труда отвести рабочихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отъ вліянія противоправительственной пропаганды и всѣми силами удержать ихъ на новомъ, „легальномъ“ пути; а такія задачи не принято раскрывать. Стоило рабочимъ разузнать, въ чемъ дѣло, понять истинныя намѣренія руководителей „рабочаго движенія съ дозволенія начальства“ и подлинную ихъ идейную фیزیономию—и новый курсъ немедленно былъ бы взятъ рабочими на подозрѣніе, и правительственная пропаганда не достигла бы никакихъ результатовъ. Словомъ, положеніе вещей, цѣль и средства требовали таинственности, внѣзаконности и достойныхъ такой конфиденціальности исполнителей. Для этого нѣтъ болѣе подходящаго учрежденія, какъ тайная полиція въ лицѣ охранныхъ отдѣленій.

Таковъ, повидимому, былъ планъ организаторовъ правительственнаго рабочаго движенія. Разъ вмѣшательство власти съ цѣлью предупрежденія политической пропаганды среди рабочихъ признано полезнымъ и необходимымъ въ интересахъ самодержавнаго правительства, то при существующихъ политическихъ условіяхъ оно неизбежно должно было стать дѣломъ тайной полиціи;

полицейскій по идеѣ, „соціализмъ“ долженъ былъ стать полицейскимъ и на практикѣ.

Инициаторомъ этого дѣла выступилъ бывшій начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ, встрѣтившій сочувствіе въ средѣ московской администраціи въ лицѣ тогдашняго генераль-губернатора великаго князя Сергія Александровича и оберъ-полицеймейстера Трепова.

Идея полицейскаго соціализма была, конечно, не русскимъ изобрѣтеніемъ. Несмотря на кажущуюся самобытность русской зубатовщины, бюрократія и здѣсь имѣла передъ собой достойные примѣры „гнилого“ Запада, — Франціи прежде всего. Самодержавное правительство дѣйствовало такъ, какъ правительство Наполеона III. Жестоко подавляя всякія попытки рабочаго класса къ самостоятельности, къ политическому объединенію, къ организаціи союзовъ и стачекъ, преслѣдуя республиканскія и соціалистическія идеи четвертаго столѣтія, наполеоновское правительство въ то же время пыталось склонить на свою сторону симпатіи рабочихъ и внушить имъ довѣріе къ имперіи. Сначала оно прибѣгло къ мѣрамъ матеріальной помощи рабочимъ, широко организуя общественныя работы или устраивая рабочія квартиры, затѣмъ повело идейную кампанію въ рабочихъ массахъ при посредствѣ кузена императора, принца Наполеона. И какъ напоминаетъ эта кампанія наши зубатовскіе приемы! Конечно, русскій рабочій нашихъ дней не пережилъ, подобно французскому пролетаріату, временъ республики, не зналъ и всеобщаго избирательнаго права, какъ права (а не идеи). Не прятался и принцъ Наполеонъ за стѣнами охраннаго отдѣленія. Но все же агитація велась не безъ игры въ прятки. Такъ какъ правительство не желало разрѣшить политической кампаніи во Франціи, то ее начали за границей,

въ журналѣ „l'Espérance“, провозгласившемъ союзъ между имперіей и рабочими классами (1860), а затѣмъ повели въ самой странѣ въ цѣломъ ряду „рабочихъ брошюръ“. Многія изъ этихъ брошюръ, по свидѣтельству Фрибура, хотя и подписаны были именами извѣстныхъ массъ рабочихъ, были написаны редакторами на жалованьи у правительства ¹⁾. Несмотря на всѣ эти отличія политическаго и организаціоннаго свойства, кругъ идей, внушавшихся рабочимъ, до поразительности напоминалъ зубатовщину. Зубатовцы проводили мысль о вредѣ политическаго движенія для рабочихъ. А въ рабочихъ брошюрахъ внушали рабочимъ: „Довольно съ насъ политическихъ декламаций! Мы хотимъ хлѣба“. Зубатовцы напирали на фабрикантовъ, какъ единственныхъ и главныхъ виновниковъ бѣдственнаго положенія рабочей массы, а друзья французской имперіи восклицали: „Орлеанистская буржуазія, оставшаяся владычицей высокихъ общественныхъ должностей, сѣетъ раздоръ между народомъ и императоромъ“. Зубатовскій „рабочій“ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что глава верховной власти является отцомъ и другомъ рабочихъ. А одна изъ французскихъ брошюръ заканчивалась словами: „Соединитесь вокругъ императора въ тотъ моментъ, когда привилегированные удаляются отъ его трона. Онъ пересоздалъ Румынію, Италію и вскорѣ освободитъ Польшу, Венгрію, а затѣмъ всѣ угнетенные народы. Онъ поощрилъ общества взаимнаго вспомошествованія, разрѣшилъ кооперативныя общества, заключилъ выгодные торговые договоры, предпринялъ грандіозныя публичныя работы и вскорѣ приступитъ

¹⁾ Вейль утверждаетъ, что всѣ другія свидѣтельства говорятъ за то, что брошюры были написаны самими рабочими.

къ реформамъ, желаннымъ рабочими“¹⁾).

Такъ дѣйствовали во Франціи предтечи русской зубатовщины. Были они и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей съ Запада.

Роль Зубатова прусское правительство еще въ 1862 году поручило „рабочему“ Эйхлеру. Въ противовѣсъ рабочимъ союзамъ, возникавшимъ подъ вліяніемъ ненавистной правительству прогрессивной партіи, Эйхлеръ сталъ вести пропаганду въ томъ смыслѣ, что союзы эти, основанные на самопомощи, никакой пользы рабочему принести не могутъ, что лишь правительство въ состояніи оказать рабочимъ поддержку, и проговорился, что Бисмаркъ, глава правительства, готовъ дать 30,000 талеровъ на устройство производительнаго товарищества. Но прусскіе рабочіе не поддались, и агитація провалилась. „Рабочій“ Эйхлеръ исчезъ съ лица земли, чтобы вскорѣ воскреснуть въ видѣ.... полицейскаго агента. И когда въ 1878 г. социалисты напомнили Бисмарку про миссію Эйхлера, Бисмаркъ вынужденъ былъ согласиться, что „Эйхлеръ находился на службѣ у полиціи и доставлялъ отчеты“²⁾).

Мы не настаиваемъ, конечно, на томъ, чтобы русская бюрократія сознательно слѣдовала французскому или прусскому образцу: для этого она была прежде всего слишкомъ невѣжественна. Одинаковые интересы момента заставили ее прибѣгнуть къ аналогичнымъ средствамъ, хотя по размѣрамъ движенія его характеру

¹⁾ См. Weill, „Histoire du mouvement social en France“. Paris. 1904, pp. 55—58. Недовѣріе парижскихъ рабочихъ ко всему, что исходило или было связано съ именемъ Наполеона III было такъ велико, что учредителямъ французской секціи „Интернаціонала“ пришлось прежде всего разувѣрять рабочихъ, что „Интернаціональ“ не наполеоновская затѣя (Weill, p. 99).

²⁾ См. предисловіе Бернштейна къ сочиненіямъ Лассалля. Стр. 109 и 110 нѣмецкаго изданія.

и результатамъ русской полицейской „соціализмъ“ оказался неимѣющимъ себѣ равнаго.

Подробная исторія этого чреватаго колоссальными послѣдствіями начинанія еще не вполне выяснена. Оглашенные въ печати факты позволяютъ съ достовѣрностью установить лишь главные моменты въ развитіи „полицейскаго соціализма“¹⁾. Зубатовъ и его полицейскіе агенты: „рабочіе“ Аѳанасьевъ, Слѣповъ, Красивскій, Жилкинъ, Чибриковъ, Янченковъ и другіе повели дѣло въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, приступили къ агитации среди рабочихъ въ защиту поправныхъ правъ, преимущественно матеріальнаго свойства. Съ открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, какъ предсѣдателемъ московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, „рабочіе“ входили на фабрики, вопреки запрету владѣльцевъ и фабричной инспекціи, и вступались здѣсь за рабочихъ передъ фабричной администраціей, дѣйствуя отъ имени „Союза московскихъ рабочихъ“, импонируя рабочимъ своей неприкосновенностью и своей дѣятельностью. На фабрикѣ французскаго подданнаго Гужона весной 1902 г. агенты эти подъ угрозой забастовки предъявили къ заводу управленію отъ имени рабочихъ претензію въ 40,000 р., недополученныхъ рабочими съ фабрики. Фабричная администрація отказала, на фабрикѣ началась забастовка; владѣльцу фабрики полиція стала угрожать арестомъ и высылкой, если онъ не выполнитъ требованія рабочихъ, и только вмѣшательство французскаго посла положило конецъ многонашумѣвшему въ Москвѣ инци-

¹⁾ Наиболѣе полно собраны относящіеся сюда факты въ заграничной нелегальной печати и въ рядѣ статей „Какъ устраивали въ Москвѣ рабочій вопросъ“, помѣщенныхъ въ шараповской газетѣ „Русское Дѣло“ за 1905 годъ, №№ 3, 4, 5 и слѣд.

денту. Агенты переходили съ фабрики на фабрику, требуя отъ фабричной администраціи даже помѣщенія подъ устройство отдѣленій Союза. Арестованный на одной изъ фабрикъ Московскаго уѣзда „рабочій“ Янченковъ показалъ: „Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщенія (для отдѣленія Союза) не будутъ спрашивать разрѣшенія ни хозяина, ни конторы, ни станового пристава, ни исправника, а выберутъ сами подходящее мѣсто и будутъ тамъ собираться, а въ случаѣ притѣсненій прямо обратятся къ Булыгину. Митрополитъ московскій Владиміръ вступилъ первымъ въ члены Союза, а московскій оберъ-полиціймейстеръ пожертвовалъ печатный станокъ, на которомъ печатаютъ теперь разные листки и брошюры“... Въ заключеніе своего показанія Янченковъ присовокупилъ, что „прошло время, когда были рабовладѣльцы и рабы, и когда рабы, уподобляясь пчеламъ, кормили своихъ господъ „задарма“: теперь и рабы будутъ жить, какъ господа“¹⁾. Арестованные жандармскимъ начальствомъ и препровожденные въ Москву, Янченковъ, Чибриковъ и Васютинъ были... тотчасъ же освобождены московскими властями. Не станемъ приводить другихъ случаевъ, такъ какъ уже здѣсь вскрывается одна изъ сторонъ „полицейскаго социализма“. „Рабочіе“ агенты направляли главное оружіе своей агитаціи противъ фабрикантовъ и ихъ эксплуататорской дѣятельности: въ ихъ объясненіи къ этому сводилась единственная причина бѣдственнаго положенія рабочихъ. На неразвитую массу рабочихъ центрального района такое объясненіе могло производить большое впечатленіе и встрѣчать въ ней вѣру, тѣмъ болѣе, что „рабочіе“ дѣйствовали съ исключительной „убѣжденностью“ и свободой, заставлявшими предполагать, что на ихъ

¹⁾ „Русское Дѣло“, № 3. Стр. 9—10.

сторонѣ не только правда, но и начальство. Рабочія забастовки, союзы и агитаціи запрещены,—и тѣмъ не менѣе забастовка, союзы и агитація, идущіе отъ извѣстныхъ лицъ, не влекутъ за собой никакого наказанія ни для этихъ лицъ, ни для ихъ послѣдователей. Такой фактъ, разумѣется, не могъ не производить на рабочихъ сильнаго впечатлѣнія. Къ тому же, разоблачая мнимые или дѣйствительные грѣхи предпринимателей, „рабочіе“ противопоставляли ихъ разрушительной и вредной власти благожелательное отношеніе правительства къ рабочимъ, разбивающееся о противодѣйствіе со стороны фабрикантовъ. Агенты не останавливались даже передъ заманчивой картиной социалистическихъ порядковъ, увѣряя рабочихъ, что правительство велитъ вскорѣ отобрать фабрики у фабрикантовъ и передать ихъ рабочимъ, и подобныя увѣренія не казались рабочимъ далекими отъ истины, такъ какъ забастовщикамъ, напр., на фабрикѣ Гужона агенты выдавали изъ таинственной кассы союза по 250 р. въ недѣлю. Правительство готово все сдѣлать для рабочихъ, если только рабочіе не будутъ слушаться „мелкихъ интеллигентовъ“. Въ нихъ агенты охраннаго отдѣленія указывали рабочимъ второго главнаго врага. Мелкій интеллигентъ—подъ этимъ названіемъ слыли социаль-демократическіе агитаторы—стремится совратить рабочихъ съ истиннаго пути во вредъ интересамъ рабочихъ. Политическая агитація способна только погубить дѣло рабочихъ: рабочіе не заинтересованы ни въ какой политикѣ, они должны твердо стоять на пути однихъ лишь экономическихъ требованій и слѣдовать указаніямъ власти; все остальное приложится отъ правительства. Политическіе агитаторы приносятъ рабочимъ лишь тюрьму и страданія и нисколько не облегчаютъ участи рабочихъ, такъ какъ мелкій интеллигентъ при

посредствѣ рабочихъ добивается своихъ, чуждыхъ рабочимъ, цѣлей.

Отчеты фабричной инспекціи, до сихъ поръ нигдѣ не опубликованные, вводятъ насъ подробнѣе въ курсъ зубатовской программы и выставленныхъ на ея основѣ требованій. Всѣ жалобы рабочихъ—говоритъ инспекція,—составлялись какъ бы по одному шаблону, съ перечисленіемъ почти всегда однихъ и тѣхъ же требованій, весьма часто совершенно незаконныхъ и выраженныхъ въ грубой формѣ“. Требования эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Требования улучшенія условій труда вообще, путемъ измѣненія условій найма, крупнаго повышенія заработной платы и одновременнаго сокращенія продолжительности рабочаго дня (послѣднее—главнымъ образомъ на механическихъ заводахъ).

2) Требования уплаты за нѣсколько прошлыхъ лѣтъ, (иногда за все время пребыванія рабочаго на фабрикѣ), за прогулы не по винѣ рабочаго, за потерю времени при приѣмкѣ матеріаловъ и сдачѣ готоваго товара, за проносъ его къ мѣстамъ приѣмки и т. д.

3) Требования вознагражденія: а) за прогулы не по винѣ рабочаго въ размѣрѣ средняго сдѣльнаго заработка, такъ какъ за эти прогулы рабочіе обыкновенно получаютъ поденную плату, размѣръ которой значительно ниже средняго дневного сдѣльнаго заработка; б) за трату времени (безъ особаго вознагражденія) на заправку становъ, навивку и присучку основъ, на мотаніе для себя шпуль, за чистку товара, за подметаніе проходовъ между станами, за потерю времени вслѣдствіе неисправности становъ, хотя всѣ эти работы и были оговорены и предусмотрѣны въ правилахъ внутренняго распорядка и расцѣнкахъ; в) за сверхурочныя работы за всѣ прошлые годы, за пере-

носъ станковъ съ одного мѣста на другое, за мытье половъ въ спальняхъ, за заправку керосиновыхъ лампъ.

4) Измѣненіе слѣдующихъ условій работъ: а) установленіе болѣе точнаго способа приѣмки товара, такъ какъ въ иныхъ фабрикахъ при приѣмкѣ вершки или отбрасывались или прибавлялись, къ чему рабочіе относились крайне недовѣрчиво; б) установленіе правила, чтобы шпульники давались отъ конторы фабрики, а не нанимались бы самими ткачами (здѣсь необходимо замѣтить, что въ настоящее время почти всѣ фабрики сами нанимаютъ шпульниковъ, и такой порядокъ, по-видимому, найденъ и справедливымъ и цѣлесообразнымъ); в) отмѣна взиманія платы за воду и дрова, употребляемая на артельныхъ кухняхъ, и отмѣна платы за пользованіе помѣщеніями столовыхъ, спаленъ и квартиръ; г) требованіе точнаго исполненія ст. 95 и 96 Уст. о пром.; д) отмѣна правила, издавна установленнаго въ нѣкоторыхъ фабрикахъ, въ силу существовавшихъ прежде патріальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, что истребленіе клоповъ въ спальняхъ относится къ обязанностямъ рабочихъ. При этомъ рабочіе не стѣснялись требовать отъ хозяевъ доплаты имъ за истребленіе клоповъ до 200 руб., за бутылки для керосина 150 руб., однимъ словомъ старались содрать возможно больше денегъ въ свою пользу, что особенно и характеризовало всѣ упоминаемыя здѣсь коллективныя жалобы и требованія рабочихъ, съ которыми они обращались въ инспекцію въ теченіе января, февраля, марта и апрѣля 1902 г.—въ тотъ самый періодъ, когда началъ проявлять свою дѣятельность такъ называемый „Совѣтъ рабочихъ“.

Этотъ перечень требованій, возбужденныхъ рабочими подъ вліяніемъ зубатовской пропаганды, многое объясняетъ—и тактику, и содержаніе, и успѣхъ дви-

жевія. При всемъ непримиримо-отрицательномъ отношеніи къ полицейскому соціализму, необходимо признать: зубатовщина не столько создавала поводы къ неудовольствію, сколько пользовалась уже существующими, придавая имъ лишь опредѣленную формулировку. Какъ видно изъ перечня, зубатовщина предъявляла требованія объ *исполненіи закона*, но не *измѣненіи*, по крайней мѣрѣ въ перечнѣ нѣтъ другихъ случаевъ. Ясно, что зубатовщина не желала затронуть авторитетъ закона и законодателя. Расчетъ былъ тонкій. Она, очевидно, хотѣла какъ бы показать рабочимъ: законы святы, но исполнители лихіе супостаты. Предъявленіе жалобъ, какъ свидѣтельствуя и фабричные инспектора, „пріурочивалось рабочими къ окончанію ихъ срока найма и ко времени прекращенія работъ на фабрикѣ“ — вотъ какая законность!! Несмотря на утвержденіе инспекціи, что „главное значеніе рабочими придавалось самымъ незаконнымъ требованіямъ“, въ дѣйствительности въ приведенномъ ими перечнѣ очень мало незаконныхъ требованій. Зубатовщина, конечно, не ограничивалась ими, рисуя передъ рабочими и возбуждая въ нихъ желанья иного рода, но здѣсь рабочіе стояли на почвѣ закона. Перечень передаетъ точно картину той ужающей эксплуатаціи, которая процвѣтала на фабрикахъ центрального района и которая выражалась не только въ несоблюденіи разныхъ требованій закона, но и въ самомъ беззастѣнчивомъ, не караемомъ, однако, законами, пользованіи даровымъ трудомъ рабочихъ. Рабочіе терпѣли прогулы по винѣ фабрики и лишались заработка, принимали товары, переносили ихъ, заправляли станы, присучали основы, мотали шпули, подметали проходы, переносили станки, морили клоповъ и т. д. — и *все бесплатно*, и за этотъ бесплатный трудъ съ нихъ еще брали за пользованіе помѣщеніемъ сто-

ловыхъ, отгрызали вершки, да недоплачивали за сверхурочныя работы! Картина поистинѣ патриархальныхъ отношеній: всѣ эти десятки видовъ бесплатнаго труда мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ повинностей крѣпостной эпохи. Прибавьте къ этому невыносимому экономическому существованію несомнѣнный фактъ, что все наше фабричное законодательство не ограждаетъ интересовъ рабочихъ, что фабричная инспекція, лишенная по закону карательной власти, во многихъ случаяхъ правонарушеній вынуждалась къ бездѣйствию и попустительству эксплоатаціи, и вы поймете, какъ тяжело положеніе фабричныхъ рабочихъ, какое неудовольствіе годами накопилось въ ихъ средѣ, и какъ нетрудно было подвинуть ихъ на путь требованій, адресованныхъ предпринимателямъ и инспекціи. Зубатовщина, повторяемъ, не создавала новыхъ поводовъ къ протесту, а пользовалась существовавшими. Съ зубатовщиной или безъ зубатовщины,—эти требованія, вытекавшія изъ самой сущности ненормальныхъ отношеній на фабрикѣ, все равно вышли бы наружу и вылились бы либо въ форму коллективныхъ жалобъ, либо забастовокъ. Полицейскій социализмъ ставилъ лишь своей цѣлью использовать недовольство въ своихъ интересахъ, т. е. завладѣть имъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ вылиться въ политическое противоправительственное теченіе. Эксплоатація существуетъ, недовольство растетъ, стачка все равно неизбежна—такъ пусть же я буду ее направлять, увѣряя рабочихъ, что всему виновны экономическія условія или, вульгарно говоря, фабриканты, а не политическій строй (покоящійся... на промышленной буржуазіи и защищающій ея интересы въ правѣ!): вотъ что составляло прочную, казалось, основу зубатовщины. Она подходила къ дѣйствительно больному мѣсту и, нажимая здѣсь, заставляла больного слѣдо-

вать за собой. Цѣли и требованія рабочихъ были основательны и справедливы, и если мы рѣшительно осуждаемъ зубатовщину, то потому, что ея цѣли и ея средства были нечисты. Конечно, въ политическомъ расчетѣ правительства скрывалось недомысліе: использовать недовольство, вытекающее изъ даннаго политическаго строя, въ цѣляхъ... оправданія и сохраненія этого строя,—такая задача не по плечу ни одному правительству міра, ибо она неосуществима. Всѣ наши негодованія по адресу полицейскаго социализма нисколько не повредили бы ему, если бы соціальныя и политическія силы не опрокинули его.

Экономическія требованія рабочихъ были вполне обоснованы; мы по крайней мѣрѣ не встрѣтили въ отчетахъ инспекціи ни одного противнаго доказательства. Цифры денежныхъ претензій рабочихъ къ фабрикантамъ могли быть произвольными, и мы охотно вѣримъ, что инспекціи трудно было ихъ провѣрить—опять таки не по винѣ рабочихъ, а по винѣ предпринимателей и закона. Въ справедливыхъ и законныхъ требованіяхъ рабочихъ—говорится въ отчетѣ фабричной инспекціи—было трудно разобраться „вслѣдствіе отсутствія точныхъ данныхъ, такъ, напр., относительно прогуловъ не по винѣ рабочаго и относительно сверхурочныхъ работъ за прошлые годы; затрудненія эти встрѣчались потому, что ни на одной фабриктъ не ведется учета прогульныхъ дней тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ сдѣльно, учетъ же сверхурочнымъ работамъ, если гдѣ и ведется, то крайне небрежно и неточно, а въ большинствѣ случаевъ эти сверхурочныя работы просто скрываются“. Очевидно, въ такомъ веденіи и состояніи книгъ всего менѣе были повинны рабочіе. И что же случилось? Рабочихъ обсчитывали и обманывали, не выплачивая

заработаннаго и не записывая его въ книги, а когда тѣ стали требовать своего, то инспекція, а за ней и мировые суды отказывали истцамъ „за неимѣніемъ точныхъ данныхъ“, т.-е. по винѣ законодателя, не каравшаго за такую эксплоатацію, и органовъ надзора, не имѣвшихъ средствъ къ предупрежденію ея. Фабричная инспекція негодуетъ, что рабочіе требовали за истребленіе клоповъ въ фабричныхъ казармахъ 200 р. и „старались содрать возможно больше денегъ въ свою пользу“, но это негодованіе слѣдовало бы обратить совсѣмъ не по тому адресу. Негодовать можно было на тѣ порядки, въ силу которыхъ предприниматель, набивая биткомъ свои казармы рабочими, не только не отвѣчаетъ передъ закономъ за нарушеніе санитарныхъ правилъ, но даже возлагаетъ на рабочихъ натуральную повинность по приведенію фабричнаго жилья въ сколько-нибудь сносное состояніе. Рабочему не платили за трудъ, въ чемъ бы тотъ не выражался, слѣдуемое не записывалось въ книги, и потомъ на рабочихъ же негодовали за то, что они не могутъ доказать суммы иска! Нѣтъ, большинство экономическихъ требованій были и „законны“ и справедливы, и все несчастье рабочихъ заключалось въ томъ, что имъ трудно было доказать размѣръ претензій. На почвѣ такихъ отношеній капитала къ труду зубатовщинѣ не трудно было показать себя безкорыстнымъ защитникомъ справедливости, не трудно было и добиться положительныхъ для рабочихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, когда требованія ихъ были законны даже съ формальной точки зрѣнія. Естественно, что „многіе фабриканты были вынуждены измѣнить нѣкоторые порядки вообще“. Это признаютъ и фабричные инспектора. Подъ вліяніемъ агитаціи пресловутаго союза ткачей, фабриканты единогласно рѣшили: „1) не допускать работы болѣе 11½ часовъ, 2) непре-

мѣнно оплачивать прогулы по винѣ конторы по 60 к. въ день, 3) повысить расцѣнокъ на заправку становъ“...—такъ сообщаетъ отчетъ инспектора по одному изъ участковъ (1902. XIII). Но были случаи и обратнаго рода. Такъ, одна крупная фабрика, насчитывающая до 6.000 рабочихъ, „перешла съ 18-часовой двухемѣнной работы на одну 11½ часовую какъ по ткацкой, такъ и прядильной. Причиной, по заявленію одного изъ директоровъ, послужили повышенныя требованія рабочихъ, а также и то настроеніе, которое совпало со временемъ организаціи союзовъ въ Москвѣ между рабочими; поэтому правленіе, боясь какихъ-нибудь осложненій между рабочими и администраціей, рѣшило часть рабочихъ расчитать“. (1902. XX).

Въ такомъ родѣ велась новая пропаганда на фабрикахъ и заводахъ. Какой „легальный“ характеръ она ни носила, все же она происходила въ формѣ подпольной агитаціи. Организаторы новаго курса, наряду и одновременно съ этой мелкой, по фабричной агитаціей, задумали широкую открытую пропаганду, которая уже одними своими размѣрами и легальностью импонировала бы рабочимъ. Для этого они воспользовались учрежденнымъ 14 февраля 1902 года. Уставъ этого общества представлялся совершенно исключительнымъ въ исторіи русской общественности явленіемъ. Въ то время какъ всякія вообще союзныя организаціи—будь то рабочихъ, крестьянъ или интеллигентовъ—всячески воспрещались правительствомъ, одни только механическіе рабочіе Москвы удостоились такого права. Причины предупредительнаго отношенія къ „Обществу“ властей не требуютъ теперь особыхъ поясненій. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говорилъ самъ уставъ. „Московское общество

взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ—гласилъ § 1 устава ¹⁾—имѣеть цѣлью оказывать помощь своимъ дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ“. Помощь оказывается въ видѣ пособія; пособія выдаются въ томъ случаѣ, если членовъ и ихъ семьи „постигнетъ какое-нибудь бѣдствіе или если они будутъ находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: смерть, болѣзнь, безработица, пожаръ и т. п.“ (§ 35). Такова была „почтенная“ цѣль общества, не совсѣмъ литературно выраженная. Но учредителямъ устава было не до литературности. Помощь рабочимъ была лишь мантией, которой прикрывались полицейскія цѣли; онѣ вылѣзали изъ всѣхъ щелей устава, и нетрудно было распознать ихъ. Объ устраиваемыхъ обществомъ вечерахъ правленіе обязано своевременно *увѣдомлять начальника мѣстной полиціи* (§ 4, примѣчаніе). Къ участию въ обществѣ не допускаются лица, *состоящія подъ надзоромъ полиціи* (§ 12, примѣчаніе 2). Въ члены-соревнователи могутъ быть принимаемы слѣдующія лица, изъявившія готовность оказывать Обществу или его членамъ безвозмездныя услуги: члены фабричной инспекціи и *полиціи*, лица медицинскаго персонала, служащіе на фабрикахъ и заводахъ механическаго производства, лица, принадлежащія къ составу администраціи фабрикъ и заводовъ, а также священно- и церковнослужители (§ 18). Чины полиціи, готовые оказывать Обществу безвозмездныя услуги и за то принимаемые въ общество,—что можетъ быть трогательнѣе такого взаимодѣйствія участка и Общества ²⁾ Рабочій лишается права на пособіе въ

¹⁾ Уставъ Моск. общества и т. д. Москва, 1902.

²⁾ Замѣтьте при этомъ, какъ тѣсно ограничивался уставомъ кругъ лицъ, могущихъ быть избранными въ члены-соревнователи.

случаѣ безработицы, если потерялъ заработокъ „вслѣдствіе принятыхъ по отношенію къ нему какихъ-либо административныхъ мѣръ“ (§ 35, прим. 1-ое). Правленіе Общества состоитъ изъ 8 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ; но „избраніе“ это совершенно своеобразное: „каждое избирающее членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ общее собраніе выбираетъ таковыхъ въ числѣ 12-ти по каждому отдѣлу, изъ нихъ московскій оберъ-полиціймейстеръ утверждаетъ по своему выбору определенное уставомъ число—8 человекъ“ (§ 43). Рабочее общество, правленіе котораго выбирается полицейской властью,—такого чудовища не знала до тѣхъ поръ даже русская дѣйствительность! Полицейская власть такъ органически врослась въ строй Общества, что даже должностныя лица, избранныя изъ своей среды правленіемъ, уже профильтрованнымъ сквозь призму полицейскаго усмотрѣнія, подлежали еще утвержденію оберъ-полиціймейстера (§ 44). Ревизія дѣлъ и суммъ Общества можетъ быть во всякое время произведена по распоряженію московскаго оберъ-полиціймейстера (§ 53). Въ общихъ собраніяхъ участвуютъ лишь дѣйствительные члены. Посторонняя публика не допускается. Въ случаѣ надобности ¹⁾ московскій оберъ-полиціймейстеръ можетъ командировать чиновъ полиціи для присутствія въ общихъ собраніяхъ (§ 57). Полиція оповѣщается о днѣ, мѣстѣ и предметахъ, подлежащихъ обсужденію на собраніи; обсуждаться могутъ только тѣ вопросы, о коихъ доведено до свѣдѣнія московскаго оберъ-полиціймейстера (§§ 61, 62). Каза-лось бы, подборъ „дѣятелей“ и программа, проходящія

¹⁾ Особой „надобности“ въ такой предусмотрительности, собственно, не было: вѣдь полиція могла присутствовать на собраніяхъ въ видѣ членовъ-сореvнователей.

черезъ полицейскія руки, достаточно гарантируютъ и результатъ дѣятельности въ желанномъ полиціи направленіи, но и этими гарантіями не удовлетворились таинственные учредители. *Всѣ инструкціи*, издаваемыя общимъ собраніемъ должностныхъ лицъ ¹⁾, должны быть представлены предварительно московскому оберъ-полиціймейстеру на одобреніе, а въ случаѣ несогласія послѣдняго съ ихъ содержаніемъ вновь передаваться съ замѣчаніями оберъ-полиціймейстера на разсмотрѣніе общаго собранія (§ 66, примѣчаніе). Оберъ-полиціймейстеру принадлежитъ поразительное право — право вносить вопросы на обсужденіе и рѣшеніе общаго собранія, и въ этомъ отношеніи голосъ оберъ-полиціймейстера равенъ... двадцати голосамъ членовъ (§ 68). Даже годовой отчетъ Общества передается черезъ оберъ-полиціймейстера генераль-губернатору и оттуда въ министерство внутреннихъ дѣлъ (§ 19). Наконецъ, власти — генераль-губернаторъ — могутъ закрыть общество по своему усмотрѣнію, „независимо отъ присвоеннаго генераль-губернатору по закону права“... (§ 75).

Мы видимъ: во всѣ моменты дѣятельность Общества охвачена крѣпкимъ полицейскимъ кольцомъ. Задачи Общества, пріемъ въ члены, права на помощь, созывъ общаго собранія, программа дѣятельности, выборы должностныхъ лицъ, инструкціи имъ, отчеты — вся жизнь Общества вплоть до его смерти, опредѣляемой административными властями независимо отъ присвоенныхъ имъ по закону правъ, находилась въ рукахъ полиціи и администраціи.

Организованныя на такихъ началахъ общества взаимопомощи должны были быть тѣмъ прочнымъ орудіемъ,

¹⁾ Въ текстѣ устава, вѣроятно, опечатка: не должностныхъ лицъ, а должностнымъ лицамъ.

посредствомъ котораго правительство могло управлять рабочимъ движеніемъ въ интересахъ охраненія и сохраненія существующаго порядка. Обществомъ руководили близкіе власти люди, получавшіе отъ власти же свои директивы: попросту говоря—агенты охраннаго отдѣленія. Нелегальнымъ политическимъ организаціямъ, дѣйствующимъ тайно и навлекающимъ на головы участниковъ всякія кары, противопоставленъ „легальный“ союзъ, пользующійся благосклонностью мѣстныхъ властей. Инициаторы полицейскаго социализма, однако, не медлили: въ ожиданіи утвержденія устава они стали готовить рабочихъ къ дѣятельности въ будущемъ Обществѣ, и съ этой цѣлью были устроены общія собранія рабочихъ, происходившія съ мая 1901 года уже въ аудиторіи историческаго музея въ Москвѣ, и по-районныя—въ разныхъ частяхъ города. И здѣсь и тамъ дѣйствовали одни и тѣ же заправилы и притомъ съ большимъ искусствомъ. Идеи развивались тѣ же, что и на фабрикахъ. Рабочіе приглашались слѣдовать только за руководителями, не поддаваться „мелкой интеллигенціи“, держаться спокойно, избѣгать стачекъ ¹⁾, и тогда ихъ не оставятъ своей помощью мѣстныя власти,—и уставъ будетъ утвержденъ. Фабриканты изображались главными врагами рабочихъ. И рабочіе массами сыпали жалобы на бѣдственное свое положеніе на фабрикѣ. Политическія темы тщательно изгонялись; случайный ораторъ, который вздумалъ бы коснуться этого щекотливаго вопроса, искусно удалялся со сцены. Зато главари затрагивали и политику, побѣдоносно „разбивая“

¹⁾ Послѣ гужоновской исторіи бюрократія московская, повидимому, измѣнила свой взглядъ на пользу стачекъ, организованныхъ агентами-„рабочими“. По крайней мѣрѣ въ протоколахъ общихъ и порайонныхъ собраній, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, мы постоянно встрѣчали предостереженіе не прибѣгать къ забастовкамъ.

Маркса и Энгельса. Ораторами на общихъ и порайонныхъ собраніяхъ выступали „знакомыя все лица“, съ поразительнымъ единодушіемъ развивавшія однѣ и тѣ же идеи. Никѣмъ не выбранные, всѣ эти Афанасьевы, Слѣповы, Жилкины руководили собраніемъ, руководясь въ свою очередь инструкціей московскаго оберъ-полиціймейстера, спеціально для того изданной ¹⁾. Инструкція эта самымъ откровеннымъ образомъ устанавливаетъ связь руководителей „рабочихъ“ съ охраннымъ отдѣленіемъ. Впрочемъ, съ извѣстнаго момента руководители этого и не скрывали. На собраніяхъ рабочихъ охранное отдѣленіе все болѣе выступало, какъ то прибѣжище, гдѣ рабочіе находятъ и всегда найдутъ защиту отъ всякихъ неправдъ и притѣсненій. И, получивъ извѣстіе объ утвержденіи устава, „выбранные“ делегаты, оказавшіеся все тѣми же извѣстными намъ лицами, поспѣшили въ охранное отдѣленіе, гдѣ закупили экземпляры печатнаго устава и испросили разрѣшеніе г-ну N на дальнѣйшее руководство собраніями рабочихъ, пославъ изъ охраннаго отдѣленія благодарственныя телеграммы, кому слѣдуетъ. Протоколы собраній, составлявшіеся однимъ изъ „руководителей“, говорятъ объ этомъ съ эпической простотой и естественностью.

Впечатлѣніе, производившееся этими собраніями на рабочихъ, несомнѣнно должно было быть огромнымъ. Здѣсь впервые, на „законномъ“ основаніи, могли они съ большей или меньшей откровенностью повѣдать свое горе, сюда шли они со своими нуждами, не подозрѣвая, что предоставленное имъ право собраній, которымъ не пользовался ни одинъ классъ русскаго общества, входитъ, какъ одно изъ средствъ, въ тонко задуманную политическую комбинацію. Да, она была тонко задуман-

¹⁾ Инструкція не была опубликована.

мана. Чтобы придать собраніямъ и учреждающемуся обществу непреложный нравственный авторитетъ, руководителямъ пришла въ голову остроумная мысль—привлечь къ дѣлу представителей науки, и не подозрѣвавшихъ истинной подкладки. Когда карты стали открываться, когда обнаружались планы полицейскихъ соціалистовъ, московскіе профессора не замедлили отказаться отъ всякаго участія, за исключеніемъ проф. И. Х. Озерова, продолжавшаго оставаться въ обществѣ взаимопомощи и дождавшагося даже избранія въ почетные его члены ¹⁾. Если интеллигенція не сразу распознала

¹⁾ Господинъ И. Х. Озеровъ, въ концѣ концовъ вышедшій изъ этого дѣла и отказавшійся отъ почетнаго званія (почему?), тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени продолжалъ защищать его, даже когда въ печати стали появляться записки фабрикантовъ, раскрывавшія всю зубатовщину. Напечатанная на страницахъ газеты „Русь“ самозащита г. Озерова подъ громкимъ названіемъ „Рабочій вопросъ“ (№№ 26 и 28. 1905 г.) не сняла съ него тѣхъ обвиненій и упрековъ, которые высказывались по его адресу обществомъ. Статья г. Озерова умалчиваетъ именно о всѣхъ тѣхъ фактахъ, которые побудили остальныхъ участниковъ немедленно отказаться отъ лекторства на рабочихъ собраніяхъ и которые г. Озерову были во всякомъ случаѣ извѣстны не менѣе хорошо, чѣмъ его товарищамъ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ потому, что онъ имѣлъ общественное значеніе. Развращая рабочихъ, зубатовщина вносила собой ядъ и въ среду интеллигенціи: понадобилось не мало усилій, чтобы охранить ее отъ зараженія руками тѣхъ прививателей, которые упорно смѣшивали миссію Зубатовыхъ и свою съ миссіей... Лассаля. По адресу интеллигенціи г. Озеровъ высказываетъ сплошную брань, обвиняя ее въ «гнусной клеветѣ, инсинуаціи стносительно всѣхъ не такъ думающихъ» и въ томъ числѣ относительно г. Озерова, и въ „заячьей трусости какъ бы не запачкать свое имя“ (очевидно, пачкать свое имя есть добродѣтель!). Но „агитирующая“ интеллигенція, „наши крайнія партіи“ знали, что говорили. Онѣ были противъ руководимаго г. Озеровымъ начинанія не изъ-за какихъ-нибудь личныхъ счетовъ съ г. Озеровымъ. Нѣтъ, говоря словами самого же г. Озерова, „наши крайнія партіи посылали намъ (т.-е. вамъ, г. Озеровъ) упреки по слѣдующимъ мотивамъ: онѣ говорили, что мы (т.-е. вы) работаемъ подъ бѣлымъ знаменемъ, что это примиряетъ рабочихъ съ существующимъ строемъ, связы-

когти полицейскаго социализма, то масса рабочихъ и подавно. Она видѣла въ немъ свое дѣло, считала его своимъ успѣхомъ. Да и какъ было не считать! Передъ ними читають профессора, имъ открыто право собраній, ихъ поддерживаютъ мѣстныя власти до оберъ-полиціймейстера, ихъ боятся фабриканты, ихъ требованія проводятся вопреки закону, они—сила! Конечно, то былъ миражъ; рабочіе были лишь простыми маріонет-

ваеть ихъ съ нимъ, и слѣдовательно вся предшествующая работа, по ихъ мнѣнію, этого строя идетъ на смарку (эту нелѣпую фразу надо читать такъ: вся предшествующая работа крайнихъ партій), что-де за нашей (вашей) спиной, нашими (вашими) именами пользуются для другихъ цѣлей...“ Да, такіе упреки имѣли основаніе, а не были „гнусной клеветой“. Всѣ приведенные г. Озеровымъ авторитеты, оправдывавшіе его поведеніе и нашедшіе себѣ мѣсто въ рекламной статьѣ г. Озерова. не могутъ опровергнуть этихъ возраженій, потому что это значило бы опровергать подлинныя факты. Г. Озеровъ не мало знаетъ ихъ, но онъ дипломатично умолчалъ. Однако, и въ „статьѣ“ г. Озерова, промелькнули обрывки истины. Общество, котораго не разрѣшали другимъ, разрѣшили Озеровскимъ „рабочимъ“. Предварительныя программы каждаго совѣщанія представлялись оберъ-полиціймейстеру на разрѣшеніе. Въ виду тѣсноты помѣщенія рабочихъ удерживали отъ посѣщенія совѣщанія, „чтобы передъ помѣщеніемъ не образовалось большой толпы“ (кому понадобилось бояться большой толпы?). Въ собраніе допускались лишь... по билетамъ, которые раздавали гг. учредители „рабочіе“. Въ инструкціи „совѣта“ рабочихъ механическаго производства „проглядывала чья-то другая рука“, да и самъ „совѣтъ“ образовался самозванно (въ Россіи въ 1902 г. безъ разрѣшенія власти учреждаются открыто дѣйствующіе совѣты!!). Проектъ устава общества рабочихъ механическаго производства былъ „неизвѣство кѣмъ составленъ“. Инструкція районныхъ собраній была „неизвѣстнаго происхожденія“. Довольно. Ужели, г. Озеровъ, вамъ не показались странными всѣ эти „чьи-то руки“ „неизвѣстнаго происхожденія“? Всякій русскій обыватель безошибочно узналъ бы эти руки, и вы, г. Озеровъ, ихъ тоже узнали. При чемъ же тутъ гнусная клевета, г. Озеровъ? И г. Озеровъ остается еще при убѣжденіи, что „мѣстная администрація искренно хотѣла итти навстрѣчу улучшенію рабочаго класса“. Почему же въ такомъ случаѣ вліятельныя московскія власти не добились законодательнаго признанія за всѣми рабочими права союзовъ?

ками, которыхъ заставляли плясать изъ Гнѣздниковскаго переулка. Тамъ дѣйствительно имѣли основаніе торжествовать. Московская система разрѣшенія рабочаго вопроса давала, казалось, удачные результаты. Рабочіе, если и не стали уходить изъ-подъ рукъ „мелкой интеллигенціи“, то все же по невидимой указкѣ простой полицейской власти заполняли ея полицейскія собранія. И точно, чтобы показать свою власть надъ рабочими, агенты-„рабочіе“ изъ охраннаго отдѣленія разыграли незначашійся въ фабричномъ календарѣ праздникъ 19 февраля 1902 г. и привели къ подножію памятника Александра II въ Кремль 50,000-тысячную толпу рабочихъ ¹⁾.

Но игра только начиналась. Успѣхъ былъ чисто внѣшній. Съ дозволенія начальства, явнаго или скрытаго, не трудно повести тѣ же 50,000 человекъ не только въ Кремль, но и на Кремль. Вся цѣнность для правительства полицейскаго социализма могла-бы заключаться только въ томъ, что рабочіе отвлекаются имъ отъ политической пропаганды, что онъ создаетъ въ рабочихъ массахъ консервативное направленіе; но ни того, ни другого не было даже въ самый разгаръ зубатовской политики. Центральное правительство даже встревожилось дѣянiями московскихъ властей. Для тѣхъ, кто не зналъ внутреннихъ пружинъ движенія, — а такихъ было почти абсолютное большинство — выступалъ наружу лишь фактъ: рабочіе въ массѣ составляютъ силу, ко-

¹⁾ Зубатовщина встрѣтила восторженный приѣмъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, говорившихъ о новой эрѣ по рабочему вопросу. Циркуляръ по дѣламъ печати, предостерегавшій отъ ложнаго истолкованія 19 февраля, былъ направленъ именно противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а въ виду связей этой газеты съ московской администраціей — и противъ послѣдней. „Московскія Вѣдомости“, зная всю подноготную, не постѣснялись принять въ число своихъ сотрудниковъ гг. Афанасьевыхъ, Слѣповыхъ и К°.

торая такъ же легко нарушаетъ правила фабричнаго распорядка, покидая въ неурочное время работы, какъ и государственный законъ, собираясь скопищемъ и по своему желанію создавая демонстраціи, въ которыхъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего патріотическаго ¹⁾. Событіе 19 февраля могло быть истолковано совершенно въ обратную сторону и сыграть роль прецедента для рабочихъ другихъ городовъ, вызвавъ и въ обществѣ представленіе о новомъ курсѣ правительства по рабочему вопросу. И дѣйствительно встревоженная центральная власть, не имѣя силъ открыто бороться съ всемогущей московской администраціей, принуждена была прибѣгнуть къ курьезной мѣрѣ воздѣйствія на общество: къ секретному циркулярному внушенію печати ²⁾.

„Въ Москвѣ 19 февраля въ Кремлѣ происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословіе, на коемъ присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ. Этому совершенно мѣстному торжеству, обусловленному именно тѣмъ, что въ московскомъ Кремлѣ сооруженъ памятникъ почившему монарху, нѣкоторые органы печати стараются придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень реальную общественную цѣнность, служащаго выраженіемъ пробуждающагося общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ, и какъ бы указывающаго на оффиціальное признаніе существованія у насъ класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія, представляясь по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно быть допускаемо въ под-

¹⁾ Не надо забывать, что то было время злѣйшей реакціи. Правительство систематически запрещало праздновать 19 Февраля, какъ и все вообще, что напоминало бы о либеральной эпохѣ Александра II.

²⁾ Циркуляръ 26 февр. 1902 г. № 1825.

цензурной печати. Не слѣдуетъ дозволять обобщенія этого отдѣльнаго факта и сообщенія ему характера всероссійскаго событія“.

Циркуляръ этотъ необыкновенно ясно показываетъ, что министерство Сипягина, выдвинутаго московскимъ генераль-губернаторомъ, почувствовало въ дѣйствіяхъ московской администраціи политическую ошибку. Но Петербургъ не смѣлъ перечить Москвѣ, и центральная власть министерства внутреннихъ дѣлъ не въ силахъ была руководить дѣйствіями подчиненной ей мѣстной администраціи. Враждебную московскому социализму позицію заняло, повидимому, министерство финансовъ. Къ тому были серьезныя основанія. Министерство финансовъ являлось верховнымъ покровительствомъ отечественной промышленности, т.-е. фабрикантовъ, а фабриканты не могли не испытывать чувства величайшей тревоги и негодованія при видѣ московскихъ экспериментовъ. Для нихъ создано было дѣйствительно невыносимое положеніе — всякій провокаторъ изъ охраннаго отдѣленія могъ явиться на фабрику и диктовать ей свои требованія якобы отъ имени рабочихъ. Не менѣе тяжкимъ, унижительнымъ и ложнымъ стало положеніе подчиненной министерству финансовъ фабричной инспекціи. Надъ ней явилось новое безотвѣтственное начальство, противъ незаконныхъ дѣйствій котораго она была бессильна. Роль фабричной инспекціи въ это время была фактически сведена къ нулю ¹⁾. Министерство финансовъ вступило въ конфликтъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но эта междоусѣдомственная борьба, проходящая чуть ли не по всѣмъ

¹⁾ „При возникновеніи въ Москвѣ „рабочихъ союзовъ“ примирительная роль фабричной инспекціи стала было игнорироваться рабочими, но затѣмъ снова быстро возстановилась, когда рабочіе увидѣли, что навязанные имъ союзы не улучшили нисколько ихъ положенія“. Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.

актамъ правительства по рабочему вопросу и оказывавшая сильное вліяніе на ихъ содержаніе, отнюдь не вызывалась принципиальными соображеніями. Режимъ бюрократическаго самовластія открывалъ поле для борьбы лишь за личную власть. Полицейскій соціализмъ Москвы послужилъ новымъ толчкомъ къ обостренію неприязни между министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, вызванной ихъ соперничествомъ, стремленіемъ перваго подчинить себѣ второго и закончившейся въ концѣ концовъ, побѣдой министерства внутреннихъ дѣлъ. Полицейскому соціализму, или негласному праву администраціи организовывать рабочихъ, министерство финансовъ попыталось противопоставить право самихъ рабочихъ группироваться въ союзы и выработало проектъ о предоставленіи рабочимъ права союзовъ и свободы стачекъ; но проектъ (не законопроектъ!) погибъ въ недрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ самомъ правительствѣ не было единодушія по вопросу о московской политикѣ. Смѣнившій Сипягина Плеве относился, повидимому, болѣе подозрительно къ полицейскому соціализму, но та же зависимость отъ Москвы и вражда къ министерству финансовъ заставили и его поддерживать опыты московской администраціи. Опыты неуклонно расширялись. За Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическаго производства въ Москвѣ стали организовываться ткачи, пуговичники, кондитера, парфюмеры, табачники. Рабочими этихъ производствъ были поданы на утвержденіе уставы обществъ взаимопомощи ¹⁾. Общество ткачей было вскорѣ разрѣшено (если не ошибаемся—и всѣ другія). Первое собраніе членовъ состоялось 19 января 1903 года (пріемъ дѣйствительныхъ членовъ производился съ 21 декабря 1902 г. и

¹⁾ „Московск. Вѣдом.“. № 135, 1903.

къ открытію общества насчитывалось уже до 800 человекъ); предсѣдателемъ общества былъ избранъ уже извѣстный намъ, съ позволенія сказать, „рабочій“ Красивскій ¹⁾).

Не прекратились и другія проявленія зубатовской пропаганды—уловленіе человекъ посредствомъ лекцій и уличныя демонстраціи (о стачкахъ что-то не было слышно), но уже совсѣмъ другого направленія и съ другими результатами.

Съ уходомъ профессоръ зубатовская пропаганда не прекратилась. Ушедшихъ пришлось замѣстить новыми лицами. Тѣ и не замедлили явиться. Но то были уже не представители либеральной интеллигенціи, а реакціонеры чистѣйшей воды, пріютившіеся подъ неопрятнымъ крылышкомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ ²⁾. На страницахъ этой гнусной газеты и въ аудиторіи историческаго музея ведется съ 1903 г. рѣшительная „патріотическая“ пропаганда, дополнявшаяся раздачей книгъ, брошюръ и листовъ соотвѣтствующаго содержанія. Соціальный вопросъ былъ вытѣсненъ богословскими темами. Происхожденіе этихъ чтеній было несомнѣнно оффиціознымъ: „По инициативѣ мѣстной правительственной власти въ Москвѣ составился кружокъ извѣстныхъ читателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ лицъ, приступившихъ къ устройству для рабочихъ общеобразовательныхъ чтеній“ ³⁾—такъ говорила московская газета. И эта связь „рабочихъ“ съ вла-

¹⁾ „Московск. Вѣдом.“. № 22, 1903.

²⁾ „Весьма отрадно, что наблюденіе за этими чтеніями находится въ рукахъ не той литературно-общественной группы, которая однимъ своимъ прикосновеніемъ обращаетъ великое народно-просвѣтительное движеніе въ источникъ только новыхъ разладовъ, но въ рукахъ серьезныхъ людей, свято, по-русски понимающихъ задачи народнаго просвѣщенія“... „Моск. Вѣд.“ № 141, 1903.

³⁾ „Московскія Вѣдомости“, № 209, 1903.

стями и Страстнымъ бульваромъ не оставляла уже сомнѣнія въ цѣляхъ и характерѣ обществъ взаимопомощи и всего связаннаго съ нимъ движенія. „Рабочіе“ вродѣ Слѣпова, открыто нынѣ (1905) повѣдавшего въ „Русскомъ Дѣлѣ“ о своемъ служеніи въ охранномъ отдѣленіи и кстати обругавшаго гостепріимнаго Грингмута, наводняли столбцы „Московскихъ Вѣдомостей“ своими писаніями, въ которыхъ истинно-русскія начала щедро поливались елеемъ, купленнымъ на средства Гнѣздниковскаго переулка. А „дорогой собратъ, рабочій Василій Савельевъ“ эхомъ отзывался изъ Петербурга, куда зубатовщина закинула свои сѣти, и поучалъ въ тонъ: „Сила наша, мощь несокрушимая—въ единеніи съ Царемъ самодержавнымъ, а не съ жалкими тывкушами изъ-за чужой спины“¹⁾. Московскіе „рабочіе“ въ назиданіе иногороднимъ шлютъ патріотическое письмо генералу Богдановичу, и генераль печатаетъ его брошюрой „1 января 1903 года, русскому народу на добрую память“.

„Русскіе люди, братья по вѣрѣ, опомнитесь и отвернитесь отъ темныхъ людей—писали московскіе „рабочіе“.—Вѣдь, слушая ихъ, поддаваясь ихъ ученію, мы помогаемъ имъ разорять и губить нашу родину-мать. Осмотритесь внимательнѣе, и вы увидите, что тѣ люди, которые подбиваютъ насъ къ бунтамъ, не друзья намъ, а самые злѣйшіе враги. Дорогие братья, соединимся всѣ въ тѣсную семью, двинемтесь дружно навстрѣчу врагамъ и отразимъ ихъ, какъ дѣлали наши дѣды и прадѣды... Если мы будемъ итти прямою дорогой, то Царь нашъ и правительство всегда помогутъ намъ. Найдется также много людей на Руси, истинно любящихъ родину, и они не откажутъ намъ въ под-

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“, № 69. 1903.

держкѣ. Съ Богомъ, братья! Съ нами онъ всегда былъ и всегда будетъ, если мы станемъ защищать родину отъ враговъ“¹⁾.

И московская газета съ паѳосомъ вторила: „Таковъ вѣчный, твердый голосъ истинной, національной Россіи и настоящихъ русскихъ людей, среди которыхъ — и князей и рабочихъ — одинъ общій совѣтъ“. Но „настоящіе русскіе люди“ частью были просто скромными сыщиками²⁾. Съ ними-то торжественно объединились духовенство, полиція, „Московскія Вѣдомости“, Русское Собрание и казнокрады. Власть публично кокетничаетъ съ „рабочими“. Министръ Плеве 7 апрѣля 1903 г., принимая въ Москвѣ депутатовъ механическаго, ткацкаго, пуговичнаго, кондитерскаго, парфюмернаго и табачнаго — все знакомыхъ намъ — производствъ, хвалить одного изъ нихъ за статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Власть въ точномъ смыслѣ слова лобызается съ ними, а „Правительственный Вѣстникъ“ увѣковѣчиваетъ на своихъ столбцахъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ „полный неподдѣльной искренности, рассказъ о знаменательномъ днѣ 7 апрѣля“³⁾. Ложь рожденная въ темныхъ и грязныхъ закоулкахъ охраннаго отдѣленія, на половину разоблаченная, вновь прикрывается реакціонной частью общества и правительствомъ во спасеніе истинно-русскихъ началъ, во имя совращенія рабочихъ съ пути политическаго протеста. Средство оправдывается „благой“ цѣлью. Помимо новыхъ, практикуются и старые приемы, но уже не съ та-

¹⁾ „Моск. Вѣд.“, № 17. 1903.

²⁾ Къ характеристикѣ заправиль зубатовскаго союза: въ потребительномъ обществѣ при обществѣ механическаго производства въ первый же годъ оказалась... растрата въ 1200 руб. (См. „Русскій Листокъ“, № 116. 1903). Очевидно, ничто земное было имъ не чуждо.

³⁾ „Правит. Вѣстн.“, № 83. 1903.

кимъ блескомъ. Несмотря на всѣ усилія, ореолъ зубатовскаго дѣла блекнетъ. Манифестація 19 февраля 1902 г. въ Кремлѣ уже не повторяется въ слѣдующемъ году; очевидно, и власти опасаются ея. „Въ теченіи 1903 году—наивно лукавитъ господинъ Слѣповъ—рабочіе Москвы, дабы опровергнуть распускаемые толки о переодѣтыхъ дворникахъ и городскихъ въ Кремлѣ, рѣшили отпраздновать день 19 февраля, но только не такъ, какъ въ прошломъ году. Московскіе рабочіе рѣшили доказать, что въ Кремлѣ были именно они, а не замаскированные дворники, переодѣтые въ рабочихъ“ и въ этихъ будто бы видахъ обратились къ фабрикантамъ съ просьбой о прекращеніи работъ 19 февраля¹⁾. Слѣповъ заметалъ слѣды. За замаскированныхъ дворниковъ и городскихъ принималась не масса рабочихъ, а ея руководители вродѣ Слѣповыхъ, Афанасьевыхъ и К^о, и эти толки вполне подтверждались. Новая же форма празднованія опредѣлилась не въ цѣляхъ реабилитаціи добраго имени этихъ господъ, а по приказанію начальства. Манифестація замѣняется богослуженіемъ въ церквахъ. Въ 1904 г. совѣтъ организованныхъ рабочихъ г. Москвы—такъ повѣствуетъ московская газета—*„выработалъ программу грандіозной и въ высшей степени знаменательной манифестаціи“*, которая и была разыграна 1 февраля²⁾. Патріотизмъ манифестантовъ былъ, слѣдовательно, заранѣе подготовленъ, но грандіозность осталась лишь въ воображеніи газеты. Совѣтъ организованныхъ рабочихъ не могъ уже вести за собой рабочихъ и сталъ подкрѣплять себя городскими подонками и хулиганами. Чернь выражала патріотизмъ въ безобразничаньи, и... власти поспѣшили запретить манифестацію по случаю войны.

¹⁾ „Москов. Вѣдомости“, № 18. 1903.

²⁾ „Москов. Вѣдомости“, № 33. 1904.

Одновременно съ Москвой опыты переносились въ Петербургъ, Одессу, Минскъ и др. города.

Полицейское происхожденіе двухъ Петербургскихъ рабочихъ обществъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Освѣдомленный въ замыслахъ самодержавія „Свѣтъ“ излагалъ первичную исторію одного изъ обществъ въ выраженіяхъ, не требующихъ особаго поясненія (ноябрь, 1902 г.).

„За послѣднее время, — сообщалъ „Свѣтъ“, — по инициативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанина, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, въ мѣстномъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространеніе мысль о возможности очень серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной (?!) самодѣятельности и взаимной помощи. Съ вѣдома столичной администраціи, 10 ноября, въ трактирѣ „Выборгъ“, на Финляндскомъ проспектѣ, инициаторы дѣла имѣли по этому предмету частное собесѣдованіе съ нѣсколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошеніе г. исправляющему должность с.-петербургскаго градоначальника, камергеру В. Э. Фришу, о разрѣшеніи товарищескаго собранія. Со стороны послѣдняго рабочіе встрѣтили внимательное и сочувственное отношеніе къ своей просьбѣ и получили обѣщаніе, что онъ окажетъ зависящее отъ него содѣйствіе для удовлетворительнаго разрѣшенія предпринятаго ходатайства. Ободренные пріемомъ г. исправляющаго должность градоначальника и успѣшнымъ началомъ своего дѣла, рабочіе отправились въ департаментъ полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы выяснить отношеніе министерства къ задуманному ими дѣлу. Директоръ

департамента, статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, выразилъ имъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній. Вслѣдствіе этого, въ воскресенье, 17 ноября, въ томъ же трактирѣ „Выборгъ“ состоялось первое въ Петербургѣ официально разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 числа, въ 10 час. 30 мин. утра, рабочіе имѣли честь быть принятыми г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, который выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода и высказалъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи“. Почтенная газета не указывала, о какомъ обществѣ шла рѣчь. Повидимому, описывалось возникновеніе петербургскаго Общества взаимнаго вспоможенія механическихъ рабочихъ. По „усвоенному направленію“ это общество во всякомъ случаѣ не отличалось отъ знаменитаго нынѣ с.-петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. При его родахъ участвовали не только простые сыщики, а люди, почтенные и пріятные во веѣхъ отношеніяхъ. Къ предсѣдателю „О-ва распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, протоіерею Орнатскому, въ Петербургѣ явилась въ одинъ прекрасный день депутація отъ московской организаціи фабричныхъ рабочихъ (зубатовской) съ просьбой организовать среди петербургскихъ рабочихъ религіозно-нравственныя бесѣды. Обратились, конечно, за санкціей къ Плеве. По ироніи судьбы, Плеве, устранившій Зубатова отъ должности, не устоялъ передъ рекомендаціями Москвы, и, когда къ нему явилась депутація во главѣ съ Грингмутомъ и не менѣе почтеннымъ генераломъ Богдановичемъ, министръ разрѣшилъ новое общество для Петербурга. Союзъ рабочихъ „учрежденъ при содѣйствіи департамента

полиціи“¹⁾).

Уставъ общества былъ утвержденъ министерствомъ 15 февраля 1904 года. Предсѣдателемъ его былъ избранъ и утвержденъ о. Георгій Гапонъ, съ благословенія митрополита и министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ послѣдняго Гапонъ получилъ по особой инструкціи право, не имѣвшееся даже у градоначальника: право свободно и самостоятельно открывать отдѣленія союза во всемъ Петербургѣ. Такъ, съ теченіемъ времени, появились одиннадцать отдѣловъ союза. Торжественное открытіе новаго общества состоялось 11 апрѣля 1904 года — все говорило о самодержавіи, православіи и народности. Одинъ изъ ораторовъ-рабочихъ — читаемъ мы въ отчетѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ — „въ очень доступной формѣ выяснилъ своимъ товарищамъ идеи русскаго національнаго самосознанія и самодѣятельности; другой — подробно остановился на историческомъ обзорѣ попытокъ русскихъ рабочихъ организовать въ правильныя, закономъ разрѣшенныя сообщества; третій отмѣтилъ отличіе новаго устава отъ всѣхъ прочихъ, его

¹⁾ „Гражданинъ“, 1905 г. № 3—5. Стр. 39. „Самъ“ Мещерскій принималъ участіе въ нарождавшемся обществѣ. Кн. Мещерскій однимъ изъ первыхъ былъ посвященъ въ тайны зубатовщины и приложилъ къ ней свою почтенную руку, обошедшуюся странѣ, по словамъ газетъ, уже при Горемыкинѣ въ 2 милліона рублей. Въ дневникѣ „Гражданина“, помѣченномъ 4 февраля 1903 г., передается бесѣда сначала со священникомъ, затѣмъ съ двумя московскими „рабочими“. Уважаемые собесѣдники расходились въ выборахъ формы для организаціи взаимопомощи; таинственные москвичи предлагали объединеніе по профессіи, Мещерскій — организацію пофабричную, со старостами, въ единеніи съ хозяевами и подъ надзоромъ инспекціи и полиціи. Хитрый князь опасался слишкомъ широкихъ организацій! Нюхъ не обманулъ его, когда онъ говорилъ: „я долженъ признаться съ полной откровенностью, что продолжаю чувствовать себя совсѣмъ не дома, какъ только вхожу въ область тѣхъ мечтатій о взаимопомощи, которыя сюда прилетѣли изъ Москвы“.

широкія правомочія и, главное, большое довѣріе правительства къ самимъ рабочимъ, объединившимся въ только что открытомъ собраніи. Изъ рѣчи председателя собранія, о. Гапона, выяснилось, что уставъ собранія, утвержденный 15 февраля 1904 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, впервые въ Россіи далъ возможность дѣйствительнаго объединенія безъ всякаго вмѣшательства администраціи. Все основано на глубокомъ довѣрїи и, главное, на идейномъ, безкорыстномъ и трезвомъ служеніи интересамъ рабочихъ. Первые шаги новаго общества даютъ полное основаніе вѣрить, что рабочіе вполне оправдаютъ возложенныя на нихъ надежды. Въ концѣ засѣданія по единодушному требованію была отправлена телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ съ почтительнѣйшей просьбой повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, Обожаемаго Монарха, всеподданнѣйшія чувства рабочихъ, одушевленныхъ ревностною любовью къ Престолу и отечеству. Все собраніе тоекратно, при громадномъ энтузіазмѣ, пропѣло „Боже, Царя храни!“ и прокричало „ура“.

Задача общества или „собранія“, какъ разъяснило правительственное сообщеніе послѣ 9 января, состояла въ „отвлеченіи рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды“. Въ самомъ уставѣ эта цѣль была, конечно, изложена въ болѣе невинной формѣ.

Согласно уставу „собраніе“ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга учреждается: а) для трезваго и разумнаго провозженія членами собранія свободнаго отъ работъ времени съ дѣйствительной для нихъ пользой, какъ въ духовно-нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ, отношеніяхъ; б) для возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ рабочихъ русскаго національнаго самосознанія; в) для образованія и развитія въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и

права рабочихъ и, наконецъ, г) для проявленія членами „собранія“ самодѣятельности, способствующей законному улучшенію условій труда и жизни рабочихъ.

Средствами для достиженія намѣченной цѣли является:

а) приобрѣтеніе полезныхъ изданій газетной и журнальной печати Россіи, основаніе библіотеки, устройство читальни, образованіе изъ среды своихъ сочленовъ духовнаго и свѣтскаго хора и музыкальныхъ кружковъ, устройство какъ въ постоянномъ помѣщеніи „собранія“, такъ и въ наемныхъ помѣщеніяхъ, концертовъ, семейныхъ и литературно-вокальныхъ вечеровъ; б) еженедѣльные кружковыя и общія собранія членовъ для разумно-всесторонняго обсужденія своихъ нуждъ и для своего самообразованія; в) устройство бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, а также чтеній съ поясненіемъ; г) организація, съ надлежащаго разрѣшенія, лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, въ особенности по родиновѣдѣнію и въ частности по рабочему вопросу, которыя указывали бы и разъясняли рабочему его правовое положеніе и законные пути выйти изъ невѣжества и грязи къ свѣту; д) учрежденіе капитала взаимопомощи на случай болѣзни, безработицы и особой нужды своихъ членовъ; е) учрежденіе на основаніи особо выработаннаго и утвержденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ устава похоронной кассы, а также открытіе, съ особаго каждый разъ разрѣшенія подлежащей власти, и другихъ учрежденій, способствующихъ усиленію заработка, обезпечивающихъ взаимопомощь при наступленіи матеріальныхъ затрудненій и вообще всякихъ тяжелыхъ обстоятельствъ и ж) устройство въ помѣщеніи „собранія“ чайной (съ закуской), а съ развитіемъ дѣлъ общества — открытіе и своей потребительной лавки.

Такъ возникло въ Петербургѣ второе зубатовское

общество, сыгравшее такую колоссальную роль въ событіи 9 января.

Зубатовщина въ Минскѣ начала прививаться въ концѣ 1901 года (ея идейнымъ вдохновителемъ оказалась здѣсь нѣкая Марія Вильбушевичъ). „Съ разрѣшенія властей, въ одномъ изъ увеселительныхъ залъ стали собираться рабочіе по дереву для обсужденія, въ присутствіи жандармскаго полковника, своихъ нуждъ“ — такъ живописали „Петербургскія Вѣдомости,“ ¹⁾. Предполагалось устроить клубъ, но предложенный уставъ былъ почему-то не утвержденъ. Пока-что рабочіе образовывали собранія — сначала вошли столяры, затѣмъ и другія профессиональныя группы. „Когда-же устройство собраній для выясненія вопросовъ ремесла было признано неудобнымъ, организованъ былъ такъ называемый фереинъ, который просуществовалъ болѣе года, и все время былъ вполне терпимъ властями“ ²⁾. Ходатайство о легализаціи фереина получило благопріятный исходъ; министерство внутреннихъ дѣлъ вернуло утвержденный уставъ, сдѣлавъ въ немъ нѣсколько значительныхъ измѣненій, касающихся участія полицейскаго надзора въ дѣлахъ общества. Уставъ общества взаимнаго вспоможенія рабочихъ и работницъ въ ремесленномъ производствѣ былъ близнецомъ московскаго. Причины слишкомъ понятны. Даже петербургская газета съ удовлетвореніемъ заявляла, что „значительное содѣйствіе устройству общества въ Минскѣ оказалъ начальникъ мѣстной жандармской полиціи, г. Васильевъ“.

Бюрократическое правительство, поглощенное борьбой изъ-за междувѣдомственной власти, неспособно было

¹⁾ „Петербургскія Вѣдомости“, № 1. 1902.

²⁾ „Петербургскія Вѣдомости“, № 226. 1903.

оцѣнить опыты полицейскаго социализма, хотя бы съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Съ присущей всякой бюрократіи близорукостью, съ ея девизомъ: „послѣ меня хоть потопъ“, центральная власть затѣвала опасную для себя же игру, не сознавая даже этой опасности. Полицейскій социализмъ распространился, но судьба его уже была предрѣшена. Съ того момента, какъ раскрылась закулисная сторона его, какъ сорванъ былъ фиговый листъ съ зубатовщины, предпріятіе обречено было на безплодіе и гибель. Что съ этической точки зрѣнія полицейскій социализмъ не выдерживалъ самой снисходительной критики и не вызывалъ ничего, кромѣ брезгливости, объ этомъ не стоитъ и распространяться. Дѣло рабочихъ правое, великое и святое не нуждалось въ подобныхъ неразборчивыхъ средствахъ. Зубатовщина могла только развратить рабочихъ, приучая ихъ къ осуществленію даже дѣйствительныхъ правъ при посредствѣ полицейскаго участка. Что съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата полицейскій социализмъ былъ глубоко вреднымъ явленіемъ, — это также не требуетъ доказательствъ. Рабочіе могутъ добиться гражданскихъ и политическихъ правъ и улучшенія матеріальныхъ условій только путемъ самостоятельной политической и хозяйственной организаціи и борьбы, зубатовщина же ставила своей цѣлью именно не допустить рабочихъ до этого. Но политика — есть волеизъявленіе силы правительства, и этой силѣ въ полицейскомъ государствѣ нѣтъ никакого дѣла ни до нравственности, ни до классовыхъ интересовъ пролетаріата. Если мы говорили, что разоблаченный полицейскій социализмъ былъ обреченъ на гибель, то потому что онъ былъ построенъ на неправильномъ политическомъ расчетѣ, на ложной оцѣнкѣ политическихъ силъ. Дѣйствительно, на чемъ долженъ былъ держаться полицейскій социализмъ?

На двухъ основаніяхъ: 1) на борьбѣ полицейскихъ рабочихъ организацій противъ экономической эксплуатаціи труда капиталомъ, слѣдовательно, на борьбѣ противъ капиталистовъ, и 2) на увѣренности полиціи, что, дѣйствуя такъ, она въ силахъ руководить настроеніемъ рабочихъ и подчинить его видамъ правительства. Здѣсь и крылось огромное историческое недоразумѣніе.

Невольно разжигая въ рабочихъ недовольство экономическими условіями или пользуясь имъ, полицейскій социализмъ велъ рабочихъ противъ капиталистовъ, пытаясь умиротворить скрытыя политически революціонныя силы пролетаріата за счетъ капитала. Внутренній миръ и прочность бюрократическаго режима должны быть куплены цѣной извѣстныхъ матеріальныхъ „жертвъ“ класса капиталистовъ. Получалось удивительное противорѣчіе. Правительство, десятки лѣтъ опиравшееся на промышленную буржуазію и имѣвшее въ ней дѣйствительнаго защитника существующаго режима и противника всякихъ политическихъ нововведеній, потому что съ ними должны были прекратиться безпримѣрныя привилегіи капитала,—это же самое правительство выступило противъ промышленной буржуазіи. Московскіе или владимірскіе фабриканты должны быть отданы въ жертву во имя... сохраненія самодержавія! Ясно, что раньше или позже фабриканты должны были дать рѣшительный отпоръ полицейскому социализму. Взамѣнъ нѣсколькихъ тысячъ захваченныхъ въ руки полицейской агентуры рабочихъ, политическая благонадежность которыхъ еще представляла для правительства неизвѣстную и неиспытанную величину, правительство собственными руками создавало себѣ враговъ изъ „людей порядка“, превращая вѣрныхъ своихъ слугъ въ политически неблагонадежныхъ, толкая капиталистовъ на путь политической оппозиціи. Зубатовщина создавала противоправитель-

ственное теченіе среди промышленной буржуазіи,—и этотъ результатъ былъ неизбѣженъ. Разумѣется, онъ сказался не сразу. Прежде, чѣмъ перейти къ политической оппозиціи противъ существующаго строя, предприниматели попытались задавить полицейскій социализмъ домашними, обычными средствами. Не видя въ жизни ничего, кромѣ прибыли, они пытались прежде всего защитить ее, не понимая глубокой связи между полицейскимъ социализмомъ и существующимъ строемъ. Они видѣли только то, что на фабрику, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ они привыкли дѣлать „чего моя нога изволить“, деспотически третируя рабочихъ и произвольно нарушая ихъ права,—туда ворвалась какая-то чужая сила, угрожающая и прибыли, и хозяйскому самовластію, и даже праву, существованіе котораго до сихъ поръ не замѣчали. Прибыль въ опасности—и буржуазія заволновалась.

Поведеніе фабрикантовъ на первыхъ порахъ не выражало ничего, кромѣ отвратительнаго своекорыстія, кромѣ страха за матеріальный ущербъ. Они пытаются вначалѣ бороться съ отдѣльными рабочими, посѣщавшими собранія въ музеѣ и порайонныя, выслѣживаютъ ихъ, изгоняютъ съ фабрикъ. Не видя успѣха отъ такой дѣятельности, они прибѣгаютъ тогда къ унижительному пресмыкательству передъ министерствомъ финансовъ, занимая противъ новаго курса позицію, достойную мелкихъ торгашей, но не „просвѣщенныхъ буржуа“. Они возмущаются не правительствомъ, не тѣмъ, что зубатовщина есть отвратительное развращеніе рабочихъ полиціей въ цѣляхъ сохраненія существующаго строя; нисколько. Они взволнованы лишь тѣмъ, что зубатовщина носитъ антикапиталистическій и потому революціонный, противоправительственный характеръ. Защищая лишь свой карманъ, они дѣлаютъ видъ, что воз-

мущены непатріотическимъ характеромъ новаго курса. По крайней мѣрѣ въ запискѣ, поданной министерству финансовъ нѣкоторыми московскими промышленниками, они высказываютъ все свое грошное негодование не на строй и власти, создавшія зубатовщину, а на... рабочихъ, униженно прося о защитѣ противъ нихъ. Дѣйствительно, въ запискѣ между прочимъ говорилось ¹⁾:

„Хотя выборъ рабочими на отдѣльныхъ фабрикахъ представителей для сношенія съ завѣдывающими тѣми фабриками не можетъ представлять какого-либо вреда, а, напротивъ, можетъ служить къ большому удобству при установленіи взаимныхъ соглашеній между хозяевами и рабочими, тѣмъ не менѣе объединеніе принадлежащихъ къ различнымъ фабрикамъ рабочихъ, состоящихъ изъ разныхъ слоевъ рабочаго класса, является крайне опаснымъ, въ особенности въ томъ настроеніи, когда они, какъ выше объяснено, задаются уже разборомъ вопросовъ характера государственнаго; и если въ предоставленіи имъ извѣстной организаціи имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической, которая, несомнѣнно, имѣетъ одинаковое политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными какимъ-либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впоследствии оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ.

Результатъ вышеизложеннаго не замедлилъ уже выразиться тотчасъ-же на дѣлѣ. 21 февраля прекращена работа ткачами на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры (Гужона и Мусси), вслѣдствіе чего 936 че-

¹⁾ Записка приведена въ оправдательной статьѣ г. Озерова въ „Руси“, № 28. 1905.

ловѣкъ ткачей разочтены, и, кромѣ того, должны будутъ прекратить работу еще около 600 человекъ, занимающихся подготовительными и зависимыми отъ прекращенныхъ работами. Поводомъ къ остановкѣ послужило, по инициативѣ главарей—представителей общества механическаго производства (не имѣющихъ къ товариществу шелковой мануфактуры никакого отношенія), требованіе о возвышеніи платы, т. е. измѣненіе договорныхъ отношеній (фабричная инспекція явилась въ этомъ дѣлѣ совершенно безсильной). На дняхъ готовится, смотря по исходу названнаго дѣла, такое же требованіе на соседней фабрикѣ товарищества Бѣляева, имѣющей около 600 рабочихъ; въ такомъ же положеніи очутились уже и нѣкоторыя другія крупныя фабрики. Не подлежитъ сомнѣнію, что при успѣшности въ легкомъ измѣненіи договорныхъ отношеній, обнаружившемся даже въ такое время, какъ Великій постъ, теченіе это распространится по всему внутреннему фабричному округу. Положеніе чрезвычайно опасное“.

Московскіе фабриканты рѣшились 8 іюля 1902 г. довести до свѣдѣнія охраннаго отдѣленія московскаго оберъ-полиціймейстера о „чрезвычайной опасности положенія“. На это домашнее средство власть отвѣтила еще болѣе по-домашнему. Начальникъ охраннаго отдѣленія, выслушавъ заявленіе, пожелалъ съ ними подробнѣе побесѣдовать. Приглашеніе было принято, и 26 іюля 1902 г. въ ресторанѣ Тѣстова (какъ просто устраивались дѣла!) состоялось знаменитое собесѣдованіе московскихъ фабрикантовъ съ Зубатовымъ. Объ этомъ мелкомъ по себѣ фактѣ необходимо упомянуть, потому что онъ не только необыкновенно характеренъ для дѣйствій той и другой стороны, но и потому, что въ трактирѣ Тѣстова была подробно изложена Зубатовымъ сущность полицейскаго социализма. Фабриканты на совѣща-

ни записали эту программу въ 16 пунктахъ и довели ее конфиденціально до свѣдѣнія Петербурга. Этотъ историческій документъ, опубликованный газетой „Русское Дѣло“, гласилъ:

„1. Вслѣдствіе, во-первыхъ, неправильной постановки школъ фабричныхъ, въ особенности школъ Техническаго Общества, и школъ воскресныхъ, руководимыхъ неблагонадежными учителями и, во-вторыхъ, вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати—явной и подпольной, — россійское торгово-промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное отъ всѣхъ сословій положеніе, такъ что рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ уже на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ на мошенниковъ.

2. Кромѣ преступнаго направленія школъ и печати, и само торгово-промышленное сословіе виновно въ томъ, что давало поводы утвержденію сказаннаго на него взгляда со стороны рабочаго класса, интеллигенціи и духовенства, допуская, вслѣдствіе лицепріятныхъ попущеній со стороны чиновъ фабричной инспекціи, обиды, штрафы, обмѣры, плохое харчеваніе и иныя дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ эксплуатаціи рабочаго люда. Въ то же время это сословіе, заботясь по собственному своему побужденію, объ улучшеніи быта рабочихъ, не дѣлало ничего, чтобы предавать возможно широкой гласности все, что дѣлаемо было имъ въ этой области.

3. Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полиціймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ

представителя капитала, со стороны рабочего класса и интеллигенции; но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики начальства, не только не сочувствуетъ его предначинаніямъ, какъ бы этого можно было ожидать отъ вѣрноподданныхъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ этимъ начинаніямъ.

4. Причиною такого поведенія торгово-промышленнаго сословія служатъ ложные слухи, распускаемые французскимъ гражданиномъ Ю. Гужономъ, который въ минувшемъ мартѣ не допустилъ къ себѣ на фабрику агентовъ московскаго оберъ-полиціймейстера, подозрѣвая въ нихъ подстрекателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли приказаніе его превосходительства предупредить готовившуюся на этой фабрикѣ стачку. Не взирая на то, что г. Гужонъ подлежалъ строгой отвѣтственности за таковыя дѣйствія, онъ все-таки не былъ привлеченъ къ оной ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ.

5. Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію; но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, оказалось безсильнымъ въ своей области, потерявъ въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе вслѣдствіе разныхъ лицепріятныхъ допущеній, кои были практикуемы имъ въ отношеніи хозяевъ. Поэтому охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, которая обнимаетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но и почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмъ, крестъ.

6. Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, охранное отдѣленіе, не знакомое со всѣми особенностями фабрично-заводскаго быта, приняло всѣ мѣры къ тому,

чтобы проникнуть въ глубину этихъ новыхъ своихъ обязанностей, и, по изслѣдованіи ихъ, оно пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности, подобные тѣмъ, что произошли минувшей весной въ Полтавской и Харьковской губ., является расширение правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, представившій недавно законопроектъ о свободѣ стачекъ и о представительствѣ рабочихъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ.

7. Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (вопреки Устава о предупрежденіи и пресѣченіи и т. д.) должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, добровольно выбираемыхъ изъ своей среды рабочими обоого пола. Эти комитеты имѣютъ намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго распорядка. Хозяинъ имѣетъ вѣдаться впредь съ своими рабочими не непосредственно, а чрезъ комитетъ. Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ данной округи состоятъ между собою въ общеніи въ видахъ достиженія однообразія дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами.

8. Дабы утвердить это обоюдopoлезное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, чтобы грядущія событія не застали ихъ врасплохъ, охранное отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ

въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но и устройствомъ питомника (лабораторіи) для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти учителя и руководители получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проѣздныхъ и наградныхъ.

9. Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются „Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ“, учрежденнымъ 14 февраля 1902 г., гдѣ участвуютъ въ качествѣ членовъ тысячи рабочихъ обоого пола и даже подростки. Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, купцовъ и промышленниковъ.

10. Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлеки къ этому дѣлу его высокопреосвященство московскаго митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ новому дѣлу просвѣщенія фабричныхъ рабочихъ свѣтомъ Христова ученія, произнесъ слово на собраніи, бывшемъ въ политехническомъ музеѣ 10 іюня 1902 г.

11. Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи управленія народными громадами, былъ произведенъ 19 минувшаго февраля охраннымъ отдѣленіемъ сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ московской губерніи безъ различія сословій къ памятнику Царя-Освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50,000-й толпы, произведенной вопреки закона о рабочемъ времени, вызвалъ глубокое умиленіе его императорскаго высочества августѣйшаго генераль-губернатора и его превосходительства г. мо-

сковскаго оберъ-полиціймейстера, не предполагавшаго, чтобы такая громада могла оставаться спокойною безъ надзора за ней чиновъ полиціи.

12. Кромѣ лекцій и репетицій сказаннаго свойства, образованіе рабочихъ подъ руководствомъ опытныхъ людей происходитъ въ народныхъ домахъ и чайныхъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости, содержимыхъ на средства, отпускаемыя г. министромъ финансовъ. Рабочіе, посѣщающіе эти собранія, хотя и не брегутъ закономъ о продолжительности рабочаго дня, но со временемъ это явленіе будетъ устранено.

13. Благодаря такимъ порядкамъ, Москва избавлена была нынѣшнею 1902 г. весною и лѣтомъ отъ многихъ изъ приготовлявшихся беспорядковъ, кромѣ гужоновскаго, который, впрочемъ, устроилъ по своему упорству самъ Гужонъ, и даниловскаго, имѣющаго всѣ признаки политическаго, а не экономическаго; тогда какъ въ Петербургѣ беспорядки не прекращались въ теченіе всего лѣта: тамъ дѣйствуютъ нагайки, штыки, а въ Москвѣ прозорливая предусмотрительность попечительнаго начальства.

14. Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричнаго рабочаго, а не законодательному, дано по соображеніямъ высокой государственной важности, но и, кромѣ того, въ случаѣ утвержденія новыхъ условій бытія въ законодательномъ порядкѣ, какъ этого желаетъ г. министръ финансовъ, и при недостаточной наличности-способныхъ и обученныхъ дѣятелей, можно испортить столь благое начинаніе въ самомъ началѣ, что, само собою разумѣется, весьма нежелательно для рабочихъ и въ особенности для хозяевъ.

15. Всѣми перечисленными мѣропріятіями охранное отдѣленіе успѣло въ короткій срокъ снискать искрен-

нѣйшее довѣріе къ себѣ рабочихъ, потому что они убѣдились, что каждый униженный и оскорбленный находитъ въ охранномъ отдѣленіи отеческое вниманіе, совѣтъ, поддержку, помощь словомъ и дѣломъ, такъ что нынѣ даже „Музей Труда“, учрежденный при Императорскомъ техническомъ обществѣ, повидимому, сталь терять подъ собою почву.

16. Представителямъ торгово-промышленнаго сословія при существующемъ положеніи вещей остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь—не только Москвы и Московской губерніи, но и всей Россіи—хотя внѣзаконнаго, но спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими“.

Полицейскій соціализмъ былъ раскрытъ съ цинической откровенностью. Охранное отдѣленіе призвано рѣшать судьбы рабочаго вопроса въ Россіи посредствомъ спеціальной полицейской агентуры, дѣйствующей на внѣзаконномъ основаніи и замѣняющей собой законодателя! Самыя мрачныя опасенія, самые подозрительные слухи объ участіи тайной полиціи въ рабочемъ движеніи стали непреложной истиной. Отнынѣ не могло быть никакихъ сомнѣній насчетъ сущности, программы и тактики полицейскаго соціализма. Оставалась неразоблаченной лишь цѣль его—предпринимателямъ сочли нужнымъ сообщить, что новый порядокъ вводится „по соображеніямъ высокой государственной важности“, но раскрыть ихъ было не трудно. Полицейскій соціализмъ былъ призванъ, какъ послѣднее средство, къ сохраненію самодержавія отъ грозной волны народнаго движенія и самъ по себѣ былъ несокрушимымъ памятникомъ бюрократическаго разложенія. Если-бы сгорѣли всѣ архивы и библіотеки, и

уцѣлѣлъ одинъ только протоколъ зубатовской бесѣды, историкъ безошибочно опредѣлил-бы состояніе Россіи по одному этому документу. Онъ говоритъ о полной анархіи среди бюрократіи, ея развращенности и безсиліи, о полной неспособности ея разрѣшить вопросъ. Мѣстная полицейская власть въ этомъ анархическомъ состояніи присваиваетъ себѣ не только права другихъ органовъ административной власти, но и функціи законодательнаго учрежденія, и эта попытка не только не встрѣчаетъ противодѣйствія сверху, но узаконяется на будущія времена. Безпредѣльный полицейскій произволъ становится верховнымъ россійскимъ закономъ, и этому произволу призываются къ присягѣ граждане, и этихъ гражданъ лицемѣрно увѣряютъ, что только въ произволѣ тайной полицейской агентуры они могутъ найти и найдутъ отеческое наставленіе и защиту своихъ правъ!! И къ этимъ средствамъ бюрократіи пришлось прибѣгнуть при „желѣзномъ канцлерѣ“ Плеве, когда Россія, казалось, поднялась на вершину бюрократическаго самовластія, когда все внутри и внѣ страны стибалось передъ мнимой силой великой державы!

Теперь, послѣ неслыханныхъ пораженій на Дальнемъ Востокѣ и всѣхъ разоблаченій нашихъ внутреннихъ не порядковъ, для всѣхъ стало яснымъ, что полицейскій соціализмъ былъ однимъ изъ проявленій глубочайшаго кризиса въ правительствѣ и политическомъ строѣ. Тогда эту истину сознавали немногіе, но въ ихъ числѣ не было фабрикантовъ. Московскіе промышленники, люди практическіе, хорошо понимали, что полицейскій соціализмъ, какъ способъ къ умиротворенію политическаго броженія среди рабочихъ, предположено произвести за счетъ ихъ кармана, и потому они протестовали. Но то не былъ еще политическій протестъ противъ режима. Согласившись на недостойные перего-

воры съ Зубатовымъ, фабриканты также недостойно вели себя и въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Они говорили не какъ граждане, а какъ купцы, они не нападали, а торговались. Съ ихъ стороны не послѣдовало ни одного энергическаго протеста противъ полицейскаго насилія. Нѣтъ, они говорили о тѣхъ жертвахъ, какія приходится нести русскому фабриканту по отношенію къ своимъ рабочимъ, увѣряя, что русскій фабрикантъ въ сравненіи съ западно-европейскимъ является чѣмъ-то вродѣ миссіонера. „Они не могутъ уразумѣть, какія причины заставляютъ извѣстные кружки раздувать такъ называемый рабочій вопросъ? Почему оказывается необходимымъ выдѣлить во чтобы то ни стало 1% населенія (т. е. рабочихъ) въ балованныхъ дѣтей, а 99% предоставить волѣ Божьей? И еще болѣе удивляются фабриканты, почему наши духовныя власти дѣйствуютъ въ томъ-же духѣ, совершенно забывая, что передъ лицомъ церкви нѣтъ ни фабричныхъ, ни заводчиковъ, а есть лишь православные люди“¹⁾.

Православные люди еще многого не понимали. Но вскорѣ и они поняли, въ чемъ дѣло. Правильно понятые классовые интересы привели и фабрикантовъ къ сознанію, что причина полицейскаго социализма и всего произвола, которому они подчинены во многихъ сторонахъ своей промысловой жизни, коренятся въ существующемъ самодержавномъ строѣ. Правительство, оберегая „истинно-русскія начала“ и нуждаясь въ усиленной поддержкѣ, стало искать опоры въ рабочемъ классѣ, пытаясь привлечь его къ себѣ путемъ формальныхъ, неискреннихъ уступокъ, якобы клонящихся къ улучшенію матеріальныхъ условій труда (на иныя—политическія—уступки оно пойти не могло, потому что цѣль

¹⁾ „Русское Дѣло“, 1905, № 5.

заключалась именно въ сохраненіи существующаго полновластія), а эти уступки должны были производиться на счетъ капитала и помимо его воли. Противъ такого положенія фабриканты увидѣли себя вынужденными выступить на путь политической борьбы. Не мало было и другихъ поводовъ. Нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, бюрократія стала искать новыхъ источниковъ дохода и, не имѣя физической возможности что-либо еще выжать изъ народа, обратилась къ промышленному и торговому капиталу, чтобы привлечь его къ усиленному обложенію. Но буржуазія энергично протестовала—друзья правительства становились его врагами. Когда правительство предложило проектъ новаго промысловаго налога, въ комиссіи въ ноябрѣ 1904 года промышленники единодушно протестовали противъ него. „Представители промышленности,—заявилъ отъ имени ихъ консервативный г. Крестовниковъ—посоветовавшись между собою, пришли къ заключенію, что проектъ представляетъ для промышленности чрезвычайную опасность; больше всего пугаетъ неизвѣстность, насколько вообще отъ этихъ измѣненій увеличатся тяготы обложенія; сознавая вполнѣ, что въ теперешнее тяжелое время нужно увеличить ресурсы государственнаго казначейства ¹⁾, промышленность проситъ выяснить цифру, на какую предполагается увеличить промысловый налогъ, и предоставить представителямъ промышленности самимъ разложить ее между отдѣльными отраслями“. Другіе промышленники, въ дополненіе къ Крестовникову, заявили, что проектъ внушаетъ имъ прямо ужасъ; возражаютъ

¹⁾ Это патріотическое сознаніе осталось, однако, голой теоріей. Во все время войны промысловый налогъ не былъ увеличенъ, подоходный не созданъ, вообще прямое обложеніе не увеличилось ни на копейку. Бѣдный капиталъ былъ пощаженъ, зато съ народныхъ массъ были взяты повышенные косвенные налоги.

они не изъ-за оппозиціи, а защищая свое право на существованіе ¹⁾). Купеческій „потребитизмъ“ испарился. Наконецъ, старый другъ потерялъ для фабрикантовъ всякій интересъ. Средства казны были истощены. Казенные заказы промышленности, ссуды на законныхъ и еще чаще на непредусмотрѣнныхъ уставомъ государственнаго банка основаніяхъ, всякія льготы—все это должно было приостановиться и при томъ надолго. Государственный кредитъ пошатнулся, бумажныя цѣнности падали внизъ. Такой режимъ съ такими послѣдствіями не могъ уже привлекать къ себѣ промышленную и денежную буржуазію,—и она оттолкнула стараго союзника, отмѣчая на биржѣ слухи и шансы, благопріятные заключенію мира и введенію представительнаго образа правленія, повышеніемъ фондовыхъ и промышленныхъ бумагъ, неблагопріятные—рѣзкимъ ихъ пониженіемъ. Рабочее движеніе 1905 года довершило переломъ. Правительство, пораженное размѣрами и силой движенія, игнорируя полностью всѣ политическія требованія рабочихъ, отвѣтило на экономическія требованія рядомъ законопроектовъ по рабочему законодательству. Представители капитала увидѣли въ этомъ теченіи новую попытку спасти бюрократическій строй за счетъ прибыли и тутъ-то открыто выступили съ политической оппозиціей противъ существующаго режима. Они потребовали демократической конституціи. ¹⁾).

¹⁾ „Торгово-Промышл. Газета“, № 268. 1904.

²⁾ Демократическія идеи недолго гуляли въ головахъ фабрикантовъ и купцовъ—всего лишь три, четыре мѣсяца (декабрь 1904, январь—мартъ 1905). По мѣрѣ роста рабочаго движенія, по мѣрѣ усиленія революціоннаго настроенія въ массахъ, російская буржуазія стала освобождаться отъ всякаго демократизма, открыто высказываясь за цензовое избирательное право, систему двухъ палатъ и т. д. Въ октябрьскіе дни этотъ переломъ окончательно завершился, а въ декабрѣ буржуазія уже открыто стала на сторону правительства, привѣтствуя жестокую расправу съ революціонерами правительственныхъ войскъ.

Такимъ образомъ интересы капитала, затронутые бюрократіей, привели буржуазію въ конфликтъ съ отживающимъ государственнымъ строемъ, но въ ряду многихъ, однородныхъ по существу, поводовъ къ оппозиціи наибольшую роль сыгралъ именно полицейскій социализмъ. Онъ вызвалъ наибольшее негодованіе промышленниковъ и навелъ ихъ на мысль о необходимости перемѣны государственнаго строя. По крайней мѣрѣ въ большинствѣ записокъ, обнародованныхъ фабрикантами и техническимъ ихъ персоналомъ, зубатовщинѣ отводилось главное мѣсто въ обвинительномъ актѣ противъ стараго режима.

Полицейскій социализмъ, желая спасти бюрократическій строй, создавалъ ему новыхъ враговъ въ лицѣ торгово-промышленной буржуазіи, до тѣхъ поръ державшей себя совершенно лояльно. Неразборчивое средство привело какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Но, оттолкнувъ старыхъ друзей, приобрѣла-ли бюрократія путемъ полицейскаго социализма новую поддержку въ рабочемъ классѣ?

Успѣхъ новаго курса въ этой своей части зависѣлъ отъ двухъ условій—степени распространенія полицейскихъ рабочихъ союзовъ и вліянія ихъ на рабочую среду. Но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи опытъ руководства умами рабочихъ не оправдалъ надеждъ его творцовъ. Несмотря на всѣ усилія, полицейскій социализмъ получилъ въ сущности скромное примѣненіе. Въ нѣсколькихъ городахъ, главнымъ образомъ Москвѣ, Одессѣ, Петербургѣ, полицейской агентурой было создано нѣсколько рабочихъ союзовъ, которые не могли остановить движенія, постепенно захватывавшаго рабочую массу. Съ тѣхъ поръ, какъ сущность полицейскаго социализма была разоблачена, онъ могъ рассчитывать лишь на самые некультурные и мало активные

элементы: полиція и въ особенности ея тайные агенты не могли служить тѣмъ притягательнымъ огнемъ, на который шла-бы масса, хорошо испытавшая на своей шкурѣ отеческое наставленіе участка. Ее можно было завлечь, но не привлечь, да и то не афишируя своей связью съ охраннымъ отдѣленіемъ, а напротивъ, упрятывая какъ можно дальше полы гороховаго пальто. Но именно эта необходимость хоронить подальше концы таинственной махинаціи исключала возможность широкаго и прочнаго вліянія зубатовскихъ союзовъ на рабочихъ. Суть дѣла знали десятки, сотни агентовъ охранныхъ отдѣленій; масса-же, не замѣчая привязи, воображала себя свободными членами свободнаго союза и потому говорила и дѣйствовала, повинуюсь своему инстинкту. Господа охранщики, разумѣется, сдерживали ея рѣчи и дѣйствія, призывая къ „порядку“; но сами-же нарушали этотъ порядокъ и приучали другихъ къ его нарушенію, такъ какъ самые зубатовскіе союзы были не чѣмъ инымъ, какъ организованнымъ насиліемъ, не имѣвшимъ никакой опоры въ російскомъ правѣ. Масса чувствовала себя свободной въ мысляхъ, зубатовскіе заправила—въ дѣйствіяхъ: въ нѣдрахъ зубатовщины воспитывался микробъ революціи. *Quem perdere vult, prius dementat.* Бюрократія, думая о спасеніи, себя-же губила. Самонадѣянная, привыкшая править Россіей изъ участковъ, подавляя всякую самостоятельность мысли и дѣйствія посредствомъ полицейскихъ агентовъ и репрессій, она возомнила, что та-же полиція можетъ не только укрощать и подавлять, но и воспитывать. И здѣсь заключалось роковое для нея недоразумѣніе. Увѣренность, что полиція можетъ руководить настроеніемъ подвѣдомственныхъ ей рабочихъ, оказалось жестокимъ самообманомъ. Нельзя надолго подставлять пролетаріату интересы правительства и выдавать ихъ за его собствен-

ные. Зубатовщина организовала рабочих, дала им форму, но не смогла заполнить ее своим содержанием. Это содержание определялось условиями существования пролетариата, и в один прекрасный день проснувшееся классовое самосознание должно было разорвать все пути и обратить охранскую организацию на революционный путь, воспользовавшись ею, как силой. Так и случилось. Революционные плоды зубатовщины ярко сказались уже летом 1903 года в Одессе, где руководимое Шаевичем зубатовское общество вызвало грандиозную и бурную всеобщую забастовку. Но то, что произошло в Петербурге, превзошло всякие ожидания. На улицах Петербурга главное зубатовское учреждение — „С.-Петербургское общество фабричных и заводских рабочих“ с его 11-тью отделами — перешло 8 января 1905 г. к „пропаганде, явно революционной“ (из правительственного сообщения), а 9 января правительство разстреляло 200.000-ую толпу рабочих, двинувшихся под руководством зубатовского общества с политической петицией к Зимнему дворцу. Пролетариат подчинил полицейское общество своим экономическим и политическим целям. Полицейский социализм привел к результатам, диаметрально противоположным плану его творцов: зубатовщина и здесь создала режиму новых политических противников. Правительство, в оправдание принятых им после 9 января репрессивных мер, в официальном циркуляре „Петербургского Телеграфного Агентства“ наивно ссылалось на то, что полиция, как показали последние события, „не была в состоянии предотвратить рабочее движение или руководить им, ибо рабочие пошли по пути политических требований“. Но полиция этого не в силах сделать ни при каких условиях, средствах, полномочиях и личном составе.

Опыты „предотвращенія и руководства“ рабочимъ движеніемъ посредствомъ полиціи и другихъ органовъ бюрократическаго самовластія могла зародиться только въ средѣ самодержавной, стоящей надъ всякимъ правомъ бюрократіи, переоцѣнивающей свое значеніе и склонной видѣть во всякомъ общественномъ теченіи, ей враждебномъ, результатъ не скрытыхъ въ глубинѣ жизни народныхъ силъ, а посторонняго вліянія злонамѣренныхъ лицъ. И сколько-бы лицъ, причастныхъ къ администраціи, ни принимало участіе въ полицейскихъ рабочихъ союзахъ, для большей части рабочихъ скрытая пружина останутся неизвѣстными; двигаясь подъ давленіемъ своихъ огромныхъ нуждъ, заражаясь настроеніемъ окружающихъ, рабочая масса, въ концѣ концовъ, пойдетъ своимъ путемъ и обратитъ даже такой союзъ въ орудіе своихъ интересовъ. И это должно было случиться ¹⁾. Полицейскій социализмъ покоился на политически ложномъ расчетѣ. Онъ сѣялъ „истинно-русскія начала“ и пожалъ революціонную бурю.

Петербургское общество и его отдѣлы были „временно“ закрыты, механическое-же общество, съ предсѣдателемъ Ушаковымъ, уцѣлѣло и понынѣ продолжаетъ работу.

Московскіе союзы послѣ 9 января оживились: и они стали предъявлять требованія, но исключительно экономическаго характера. На собраніи 20 января въ Грузинскомъ народномъ домѣ, рабочіе механическаго производства обсуждали записку московскихъ фабрикантовъ, представленную въ министерство финансовъ, но

¹⁾ Еще 6 января даже „Новое Время“, говоря объ опытахъ заигрыванія администраціи съ рабочими, предчувствовало, что „поддержаніе существующаго положенія вещей (т. зубатовщины) неминуемо будетъ грозить общественному порядку“.

здѣсь восторжествовалъ экономизмъ, несмотря на то, что записка на первый планъ выдвигала политическіе принципы въ духѣ конституціонализма. „Давно-ли фабриканты и заводчики сдѣлались нашими друзьями?—говорилъ одинъ рабочій.—Если они дѣйствительно желаютъ намъ добра, то почему-же во время послѣднихъ забастовокъ они не нашли нужнымъ вести переговоры съ рабочими, а обратились за содѣйствіемъ къ полиціи и военной силѣ? Развѣ мы имѣли намѣреніе грабить имущество ихъ или посягать на ихъ жизнь?“

Основной политической мотивъ фабрикантской записки былъ обращенъ къ рабочимъ его экономической стороной, и рабочіе, вмѣсто того, чтобы согласиться съ тѣми и признать враждебность къ нимъ существующаго строя, вспомнили лишь о противоположности интересовъ капитала и труда. Фабриканты—искренно или неискренно высказывались за неприкосновенность личности и жилищъ рабочихъ какъ за политическое требованіе, которое не признается самодержавнымъ строемъ, на каждомъ шагу грубо попирается имъ и можетъ быть осуществлено только въ конституціонномъ государствѣ. А рабочіе повернули это требованіе не къ правительству, а фабрикантамъ и свели важное политическое требованіе къ скромному экономическому интересу, нарушаемому фабрикантами.

„Это хорошо—говорилъ одинъ „рабочій“—что, наконецъ-то, предприниматели вздумали признать неприкосновенность нашей личности и нашихъ жилищъ. А до сихъ поръ развѣ мы пользовались этимъ правомъ? Нѣтъ. Фабриканты подвергали насъ обыскамъ при выходѣ съ фабрикъ за ворота, обыскамъ, которые не допускаются закономъ. Мало того, что насъ обыскивали въ воротахъ,—имѣли право обыскивать даже наши квартиры. Если они признаютъ теперь неприкосновен-

ность наших личности и жилищъ, то не должны уви- жать насъ, подвергая обыскамъ, причисляя тѣмъ самымъ къ ворами. Что касается равноправности всѣхъ предъ закономъ, то предъ нимъ и всегда мы юридически равноправны, но главную-то роль играетъ въ данномъ дѣлѣ капиталъ. Мы хотя предъ закономъ и равно- правны съ хозяевами, но по средствамъ не равносиль- ны, и пословица „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“ — не утратила и до сихъ поръ своего смысла“.

Фабриканты говорили объ участіи промышленниковъ и рабочихъ въ выборахъ законодательныхъ, а рабочіе склонялись къ участію въ... прибыляхъ предпріятія.

„Не лучше-ли намъ, рабочимъ—говорили они— возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ уча- стіи рабочихъ въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ нашихъ трудовъ предпринимателями“, и съ этимъ огромное большинство было согласно ¹⁾).

Такимъ образомъ незамѣтно для рабочихъ кто-то сводилъ ихъ съ политической злобы дня на путь эконо- мическихъ интересовъ, неизбежно сталкивалъ ихъ съ фабрикантами, и вмѣсто язвъ строя выступали эгоисти- ческія черты фабрикантовъ. То было зубатовцы, остав- шіеся до конца вѣрными своей „платформѣ“.

Неудивительно, что петиція, выработанная москов- скимъ обществомъ механическихъ и другихъ рабочихъ и адресованная правительству, сохранила исключительно экономическій характеръ: зубатовцы крѣпко натягивали вожжи и не позволяли рабочимъ сбиваться на поли- тическій путь, попросту игнорируя политическія требо- ванія, все еще раздававшіяся даже на зубатовскихъ собраніяхъ ²⁾).

¹⁾ Отчетъ о собраніи 20 января цитируемъ по „Рус. Листку“.

²⁾ Политика проникла и сюда, и власти временно (въ мартѣ) запретили собранія рабочихъ въ Грузинахъ и другихъ мѣстахъ.

Въ петиціи, покрытой 2.500 подписей и врученной министру финансовъ въ концѣ марта 1905 г., послѣ подробной мотивировки, выставлены были слѣдующія ходатайства о неотложныхъ нуждахъ рабочихъ:

1) Разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ учрежденіе професіональныхъ рабочихъ союзовъ, такъ какъ только путемъ объединенія рабочихъ интересовъ можетъ быть достигнуто необходимое улучшеніе въ условіяхъ труда, какъ свидѣтельствуется объ этомъ опытъ западно-европейскихъ государствъ.

2) Уничтожить уголовную отвѣтственность за стачки, которыя касаются лишь области частно-правовыхъ отношеній и служатъ необходимымъ средствомъ въ борьбѣ съ предпринимателями за улучшеніе условій труда.

3) Ввести представителей рабочихъ въ совѣщательныя учрежденія, занимающіяся обсужденіемъ условій труда, такъ какъ засѣдающіе тамъ хозяева являются плохими представителями и защитниками интересовъ труда.

4) Учредить спеціальныя промышленные суды съ равнымъ участіемъ въ составѣ ихъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ для разбора неизбежно возникающихъ недоразумѣній въ области фабрично-заводскаго обихода.

5) Расширить предѣлы дѣятельности фабричныхъ старостъ, преобразовавъ этотъ институтъ по образцу фабричныхъ комитетовъ въ Германіи, ибо нынѣшніе старосты представляютъ лишь передаточную инстанцію, не имѣющую даже совѣщательнаго голоса.

6) Пересмотрѣть фабрично-заводское законодательство въ смыслѣ уравниенія рабочихъ въ правахъ съ хозяевами.

7) Сократить продолжительность рабочаго дня, чтобы дать трудящемуся люду время для самообразова-

нія и разумныхъ развлеченій, поднимающихъ умственный и нравственный уровень рабочихъ.

8) Отмѣнить сверхурочныя работы, произвольно удлиняющія продолжительность рабочаго дня; въ случаяхъ-же крайней необходимости допускать ихъ съ двойной оплатой.

9) Ввести государственное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзни и на старость, чтобы трудящійся людъ получилъ необходимое обезпеченіе въ тяжелые моменты своей жизни.

10) Открыть рабочимъ доступъ къ общему и профессиональному образованію, введя въ программы спеціальныхъ школъ необходимыя для рабочихъ экономическія свѣдѣнія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ современнаго промышленнаго строя.

11) Распространить дѣйствія фабрично-заводскаго законодательства на ремесленныя предпріятія въ интересахъ объединенія условій промышленнаго труда во всѣхъ областяхъ его примѣненія“.

Правительство превратило эту полицейскую махинацію въ крупное событіе. Господа изъ охранныхъ отдѣленій были встрѣчены министромъ финансовъ съ отмѣнной торжественностью, а рѣчи министра были отпечатаны брошюрой въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ для раздачи московскимъ рабочимъ.

Но никакими оффиціальными рекламами нельзя было уже спасти полицейскаго социализма. Онъ безвозвратно погибъ. Зубатовщина не захватила въ свои грязныя руки рабочаго движенія и не спасла самодержавія. Оно вынуждено было капитулировать передъ тѣми самыми рабочими массами, которыхъ такъ опасалось. Временно задержавъ ростъ революціоннаго сознанія, та-же зубатовщина къ другому моменту сконцентрировала его и привела къ первымъ шагамъ открытой революціи про-

тивъ самодержавія и всего существующаго строя. Тамъ же, гдѣ ей не принадлежала активная революціонирующая роль, зубатовщина не могла ни предупредить, ни задержать, ни заглушить революціоннаго движенія. Декабрьское вооруженное возстаніе въ Москвѣ, этомъ центрѣ полицейскаго соціализма, показало воочію полное безсиліе и бесплодіе всей многолѣтней зубатовской пропаганды.

Не исполнивъ своей политической миссіи, зубатовскіе союзы потеряли всякое практическое значеніе и какъ экономическія организациі. Они утонули въ массѣ свободныхъ профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, выросшихъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ страны. Многіе рабочіе, по невѣдѣнію попавшіе въ зубатовщину, стали переходить въ подлинныя рабочіе союзы. Зубатовщина совершенно ступшевалась и гдѣ-то вдали стала влачить жалкое существованіе на пользу и радость тѣхъ, кто двадцатаго числа ходитъ въ охранное отдѣленіе за жалованіемъ.

Опытъ кончился жесточайшимъ крушеніемъ. Это вынуждено было признать и правительство. На каучуковомъ языкѣ комитета министровъ, засѣдавшаго 11 января 1905 года, черезъ 2 дня послѣ кроваваго воскресенья, признаніе гласило: рабочіе союзы, образованные „иногда (?!) при помощи полицейскаго усмотрѣнія“, явились „угрозою общественному спокойствію“. Но по инерціи-ли, неисповѣдимому самомнѣнію и ослѣпленію бюрократіи, или вслѣдствіе безсилія разложившагося самодержавія, полицейскіе рабочіе союзы и вся вообще организациа до сихъ поръ не упразднены. Мало того. Еще лѣтомъ 1905 года въ Петербургѣ нѣкто Джанни, содержатель курсовъ иностранныхъ языковъ, вкупѣ съ однимъ военнымъ, директоромъ департамента и чиновникомъ особыхъ порученій, пытался создать какое-

то таинственное Общество Труда, съ трескомъ провалившееся на первомъ-же учредительномъ собраніи.

Съ 17 октября самодержавіе официально упразднено. Одна изъ главныхъ цѣлей зубатовщины—защита самодержавія—пала. Чтобы сохранить эти союзы—а оно ихъ сохраняетъ—правительство, очевидно, должно будетъ поставить имъ новую цѣль—защиту конституціонной монархіи и, дабы не дискредитировать своего дѣла, должно будетъ убрать его изъ рукъ охраннаго отдѣленія. Негласное, внѣзаконное „право“ союзовъ, составлявшее при самодержавіи исключительную привилегію тайной полиціи, должно стать явнымъ и свободнымъ правомъ всѣхъ. Правительство не станетъ уже прятаться за полицейскими ширмами. Тщательно закрасивъ старую зубатовскую вывѣску, оно по примѣру ученыхъ пруссаковъ напишетъ: „Королевско-Прусскій железнодорожный союзъ составителей поѣздовъ въ Альтонѣ“, а его девизомъ: „постоянно пропагандировать преданность королю и отечеству ...и противодѣйствовать теченіямъ, враждебнымъ императору и государству“¹⁾. Для новой работы монархическихъ „рабочихъ“ союзовъ найдутся свои конституціоналисты-зубатовцы (старые, самодержавные зубатовцы уйдутъ съ пенсіей на покой), и союзы, защищая конституціонную монархію, съ утроенной энергіей поведутъ борьбу съ „разрушительными“ тенденціями соціаль-демократической рабочей партіи.

Зубатовскіе союзы еще не продѣлали этого цикла развитія, но они на пути къ нему. Уничтоженное, потерявшееся правительство стараго порядка, поглощенное разстрѣломъ демократіи, еще не взялось за „творческую“ работу; но за него уже дѣйствуютъ герои меж-

¹⁾ См. Кулеманъ. „Профессіональное движеніе“. Спб., 1901. Стр. 318.

дуцарствія, подталкиваемыя инстинктомъ самосохраненія.

Семень роди Ивана,
Иванъ роди Петра.

Зубатовщина роди гапоновщину, гапоновщина роди ушаковщину. Полицейскій социализмъ черезъ революціонную бурю противъ самодержавія (не монархіи!) привелъ къ „независимой рабочей партіи“. Независимые ушаковцы прочно унаслѣдовали отъ прародителя первородный „грѣхъ“ его — активную вражду къ социаль-демократіи. Въ этомъ весь смыслъ существованія, вся программа малочисленной и маловліятельной группы. И пусть утѣшатся зубатовцы, гапоновцы, ушаковцы: правительство не оттолкнетъ ихъ и не забудетъ. Для борьбы съ социаль-демократіей всѣ они пригодятся.

Такъ писали мы ¹⁾, не рѣшаясь еще называть вещи ихъ именами.

Но событія съ безпощадной жестокостью сорвали съ гапоновщины и ушаковщины покрывало таинственности, и дѣтища зубатовщины очутились передъ пролетаріатомъ во всей ихъ отвратительной полицейской наготѣ. Всѣ знали, что гапоновское и ушаковское общества рабочихъ родились въ стѣнахъ охраннаго отдѣленія, но въ великое 9-ое января кровь, пролитая рабочими на улицахъ Петербурга, смыла, казалось, всю полицейскую грязь и дала новую жизнь и новое содержаніе полицейскимъ рабочимъ союзамъ. Такъ лишь казалось. Масса пролетаріата дѣйствительно пошла новымъ революціоннымъ путемъ и зажила новымъ социалистическимъ идеаломъ, но руководители союзовъ остались прежними полицейскими агентами и провокаторами, а сами союзы — орудіемъ

¹⁾ „Образованіе“, январь, 1906.

полицейско-самодержавной политики правительства. Разоблачение, сдѣланное на страницахъ *Руси* однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Гапона, положило конецъ всякимъ сомнѣніямъ: Георгій Гапонъ оказался шпиономъ, предателемъ и провокаторомъ. Появленіе Гапона въ прежней роли правительственнаго агента сдѣлалось очевиднымъ еще осенью 1905 года, когда „герой“ 9 января устами бесѣдовавшихъ съ нимъ рабочихъ сталъ въ русской печати рѣзко порицать революціонное теченіе среди Петербургскаго пролетаріата, а въ заграничной¹⁾, восхвалять черезъ интервьюеровъ геній великаго Витте. Отъ этихъ отзывовъ недавняго революціонера такъ сильно пахивало предательствомъ и продажностью, что не оставалось сомнѣній въ сношеніяхъ Гапона съ правительствомъ Витте. Недоставало только прямыхъ уликъ,—и онѣ были приведены рабочимъ Петровымъ, открыто бросившимъ въ лицо Гапону обвиненіе, что онъ, Гапонъ, при посредствѣ своей правой руки—Матюшинскаго, получилъ отъ Витте, черезъ тов. мин. Тимирязева, 30,000 рублей для собранія фабрично заводскихъ рабочихъ²⁾, что таинственное лицо, сочувствующее рабочимъ, отъ имени котораго Гапонъ уже раньше давалъ деньги, не кто иное, какъ „конституціонное“ правительство Витте. Впечатленіе, произведенное этимъ разоблаченіемъ на ближайшихъ участниковъ гапоновскаго союза, было такимъ ошеломляющимъ, что одинъ изъ нихъ, рабочій Черемохинъ, повидимому потрясенный неожиданностью открытія, покончилъ съ собой въ присутствіи Гапона. Съ теченіемъ времени стали открываться новыя подробности предательства. Выяснилось,

¹⁾ Интервью съ Гапономъ нашли себѣ мѣсто на страницахъ *Руси*.

²⁾ Какъ извѣстно, часть этихъ денегъ была растрочена господами гапоновцами.

что Гапонъ, котораго еще такъ недавно правительство не безъ удовольствія повѣсило бы, прїѣзжалъ въ Петербургъ и получилъ право свободнаго въ немъ проживанія отъ Витте; что сношенія съ Витте велись черезъ извѣстнаго агента тайной полиціи, Манасевича-Мануйлова, состоявшаго чиновникомъ особыхъ порученій при Витте; что въ то самое время, какъ въ печати Гапонъ съ неслыханной наглостью обвинялъ представителей прессы въ подкупности (письмо въ *Русь*), Георгій Гапонъ проводилъ цѣлые часы въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, охраняемыхъ чинами охраннаго отдѣленія, съ завѣдующимъ политической частью чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Рачковскимъ ¹⁾).

Послѣдній печатный документъ о Гапонѣ, появившійся въ связи съ его таинственнымъ исчезновеніемъ, приноситъ столько правдоподобныхъ штриховъ для характеристики новѣйшей дѣятельности Гапона, что его приходится привести почти цѣликомъ.

„Судь рабочихъ, говорилось въ немъ, имѣлъ неопровержимыя доказательства того, что:

1) Георгій Гапонъ, вернувшись въ декабрѣ 1905 г. въ Россію, вступилъ въ сношенія черезъ чиновника особыхъ порученій при гр. Витте, Мануйлова, и имѣлъ рядъ свиданій съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ, съ товарищемъ директора департамента полиціи Рачковскимъ и съ начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія, полковникомъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Герасимовымъ. Они обѣщали ему содѣйствіе по открытію отдѣловъ, если онъ расскажетъ все, что знаетъ про революцію и революціонеровъ. Гапонъ рассказалъ. 2) Около 15 января 1906 г.

¹⁾ „Двадцатый вѣкъ“, 11 апр. 1906.

Георгій Гапонъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ Дурново письмо, въ которомъ каялся въ своей прошлой революціонной дѣятельности и событіяхъ 9-го января. Письмо передано черезъ Рачковскаго. 3) Георгій Гапонъ взялъ на себя специальное порученіе Рачковскаго и Герасимова узнать и выдать заговоры противъ царя, Витте и Дурново. Для этого онъ взялъ на себя „соблазнить“ одного изъ близкихъ ему людей въ провокаторы. Гапонъ уговаривалъ его получить 25,000 рублей за выдачу только одного дѣла, а за четыре дѣла можно будетъ заработать сто тысячъ рублей. Отъ имени Рачковскаго Гапонъ гарантировалъ ему личную безопасность на случай, если они узнаютъ про предательство. Георгій Гапонъ уговаривалъ не емущаться предстоящими жертвами предательства и не колебаться, такъ какъ „25,000 рублей большія деньги“. 4) Георгій Гапонъ былъ амнистированъ манифестомъ 21 октября 1905 г. и зналъ объ этомъ, но вступилъ въ сношенія съ правительствомъ, получилъ отъ него деньги и паспортъ на имя П. Н. Гребницкаго, уѣхалъ на короткое время за границу, а вернувшись въ декабрѣ 1905 г.—жилъ по этому паспорту въ Петербургѣ, объясняя рабочимъ, что вынужденъ жить нелегально, такъ какъ правительство его преслѣдуетъ. 5) Пользуясь своимъ вліяніемъ на рабочаго Черемухина, Георгій Гапонъ взялъ съ него клятву и далъ ему револьверъ, чтобъ убить рабочаго Николая Петрова за публикованіе въ печати про сношенія Гапона съ правительствомъ. 18 февраля, во время засѣданія центральнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Гапона, Черемухинъ самъ застрѣлился изъ этого револьвера. 6) Кромѣ 10,000 руб., полученныхъ за напечатанный въ Англіи рассказъ про событія 9 января 1905 года, Георгій Гапонъ получилъ лѣтомъ 1905 г. отъ частнаго лица для дѣла рабочихъ пятьдесятъ

тысячъ франковъ. Деньги эти рабочимъ не переданы.

Застигнутый на мѣстѣ преступленія, Георгій Гапонъ самъ все призналъ, но объяснилъ, что все это сдѣлалъ ради имѣвшейся у него идеи.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, судъ постановилъ: Георгій Гапонъ предатель, провокаторъ и растратилъ деньги рабочихъ; онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9 января 1905 года.

Георгія Гапона предать смерти.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Члены суда ¹⁾.

Такимъ оказался Георгій Гапонъ, выброшенный волной революціоннаго движенія на ея гребень въ историческіе январскіе дни. Если-бъ онъ и не былъ убитъ, карьера его какъ руководителя рабочимъ движеніемъ была бы все равно кончена на всегда. Безславно погибло и гапоновское собраніе рабочихъ. Разоблаченія полицейской дѣятельности Гапона внесли въ ряды членовъ этого общества большое смятеніе, и они стали массами покидать его. Лишенные всякой поддержки,—союзъ держался правительственной субсидіей и провокаторами—члены этого полицейскаго учрежденія сдѣлали новую попытку спасти его и обратились... къ господамъ либераламъ изъ конституціонно-демократической партіи за „духовной и матеріальной поддержкой“. И господа либералы, хватаящіеся за всякую связь съ рабочими, рѣшили, по предложенію Ф. И. Родичева, придти организаціи на помощь и выра-

¹⁾ „Двадцатый Вѣкъ,“ № 23. 1906. Оговариваемся: редація газеты „Д. В.“ считала этотъ документъ мистификаціей, совпаденіе указанныхъ въ немъ фактовъ съ ранѣе опубликованными и, наконецъ, таинственная смерть Гапона дѣлаетъ его, напротивъ, въ нашихъ глазахъ подлиннымъ.

ботать имъ уставъ¹⁾). Счастливаго пути, господа либералы!

Не остался безъ послѣдствій кризисъ въ гапоновщинѣ и для его почтеннаго собрата—ушаковщины. „Независимый социалистъ“ оказался очень зависимымъ отъ ласкъ самодержавнаго правительства: неработающій рабочій состоялъ на жалованіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Выяснилось множество подробностей компрометирующаго характера, и результатомъ то же массовое бѣгство изъ общества. „Ушаковская партія независимыхъ социалистовъ“—сообщала печать еще въ февралѣ,—почти закончила свое существованіе, такъ какъ члены партіи узнали компрометирующія данныя о дѣятельности Ушакова, которая идетъ въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ. Замѣчаются массовыя оставленія партіи²⁾).

Покрывало снято. Правительственная махинація раскрыта до самыхъ послѣднихъ закоулковъ. Свѣтъ, пролитый на всю эту по существу несложную смѣсь провокаторства съ предательствомъ, показалъ лишній разъ всю негодность, все безстыдство самодержавно-полицейскаго строя. Мимоходомъ освѣщались и другія затѣи охраннаго происхожденія—небезкорыстная дружба „конституціонно-монархической партіи рабочихъ“ съ правительствомъ Витте-Дурново. Такъ въ мартѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново „призналъ не подлежащимъ удовлетворенію“ ходатайство „совѣта рабочихъ конституціонно-монархической партіи“, обратившагося въ лицѣ своихъ представителей—бывшаго рабочаго завода Гесслера, Федора Жилкина и рабочихъ фабрики „Джемсъ-Бекъ“ крест. Андреева и Захарова—къ министру съ просьбой объ отпускѣ изъ суммъ правительства ежемѣ-

¹⁾ См. Отчетъ о засѣданіи Спб. комитета партіи народной свободы въ „Двадцатомъ Вѣкѣ“, 21 апр. 1906.

²⁾ Русь, 18 фев. 1906.

сячно по двѣ тысячи рублей на расходы по содержанію „совѣта партіи и на открытіе еще трехъ совѣщательныхъ комитетовъ“²⁾). Господа „монархисты“ скромно просили 24.000 руб. въ годъ на открытіе еще трехъ комитетовъ. Сколько же ихъ было, вѣдаетъ одно лишь безконтрольное „правительство“ охранныхъ отдѣленій.

Самодержавно-полицейскій строй поддерживался усиліями провокаторовъ и шпіоновъ. Они были послѣдней его опорой. Что ни шагъ, всюду провокація или сыскъ. И даже въ самую послѣднюю минуту, къ первому дѣйствію комедіи, озаглавленной „Дума“, правительство пустило въ ходъ старый зубатовскій пріемъ. На этотъ разъ сѣти охраннаго отдѣленія должны были опутать не рабочихъ, а крестьянъ. Крестьянская зубатовщина началась съ дѣйствій нѣкоего господина Коренева, наводнившего деревню прокламаціями отъ имени какого то русскаго союза: какъ и рабочая зубатовщина, крестьянская такъ энергично „работала“, что крестьяне стали переходить къ открытымъ антиправительственнымъ дѣйствіямъ, — и губернаторы возопили къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой унять союзъ. Пожаловался и генераль-губернаторъ Дубасовъ, и правительство Витте поспѣшило переселить Коренева съ канцеляріей союза въ Петербургъ для новаго важнаго дѣла: уловленія въ сѣти охраннаго отдѣленія... крестьянскихъ депутатовъ Думы, — дѣла, заблаговременно организованнаго министерствомъ вн. дѣлъ. По разоблаченію *Рѣчи*, въ шифрованной телеграммѣ министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ губернаторамъ пригласить къ себѣ всѣхъ членовъ Государственной Думы изъ крестьянъ подъ предлогомъ выдачи имъ прогонныхъ денегъ и убѣдить ихъ пріѣхать въ Петербургъ къ 20 апрѣля, остано-

¹⁾ *Русь*, 9 марта 1906.

виться въ специально отведенномъ помѣщеніи и вступить въ члены крестьянской группы, образуемой однимъ изъ членовъ Думы—крестьянъ. Часть крестьянскихъ депутатовъ дѣйствительно размѣстилась въ нанятомъ помѣщеніи; предводимые присяж. повѣр. Заболотнымъ, депутаты Подольской губерніи посѣтили государственную канцелярію, послѣ чего г. Заболотный имѣлъ свиданіе съ товарищемъ мин. внут. дѣлъ Крыжановскимъ. Открытая „дружба“ Заболотнаго съ правительствомъ и ретивыя сыщицкія поползновенія на свободу казенныхъ жильцовъ со стороны одного изъ управляющихъ правительственными номерами показали трезвымъ крестьянамъ, въ чемъ дѣло, и тѣ рѣшили немедленно покинуть казенную квартиру.

Зубатовщина снова сорвалась.

Предъ пролетаріатомъ стоятъ жалкіе, разбитые остатки полицейскаго „соціализма“. Судьба его предрѣшена. Рабочая масса пройдетъ мимо наслѣдія зубатовщины и съ негодованіемъ отвернется отъ него. Она понесетъ свои силы, свой энтузіазмъ, свою революціонность въ ряды единой соціаль-демократической рабочей партіи, вѣрной ей и въ счастье и въ страданіяхъ. И не перестанетъ повторять: долой провокацію, долой „соціалистовъ“ охраннаго отдѣленія!

I. ЭТИКА и ФИЛОСОФІЯ.

Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи проф. *К. Гильти*. Перев. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*, 5-е изданіе. Ц. 50 к.

Содержаніе: Искусство работать.—Мысли Эпиктета.—Искусство имѣть время.—Хорошія привычки.—Идеализмъ въ практической жизни.—Счастье.

Что такое нравственность? Проф. *Т. Циллера*. Перев. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*. 3-е изданіе. Цѣна 50 коп.

Содержаніе: Задача нравственной философіи.—Происхожденіе нравственности.—Что такое нравственность?—Долгъ и добродѣтель.—Высшее благо.—Заключеніе.

Воображеніе и память. *Ф. Кейра*. Переводъ съ франц. *Е. Максимовой*. 2-е изданіе. Цѣна 40 коп.

Содержаніе: Природа образовъ.—Психологическій законъ ассоціаціи и его плодотворность.—Видоизмѣненія воображенія, ихъ принципы и послѣдствія.—Типъ зрительный.—Слуховой типъ.—Типъ моторный.—Различныя способности дѣтей.—Опасности, создаваемые исключительнымъ развитіемъ одного рода образовъ.—Типъ средній или нормальный. Его относительное превосходство.—Необходимость уравнивать образы.—О нѣкоторыхъ приемахъ, способныхъ обезпечить равновѣсіе образовъ.

Аффективная память. *Т. Рибо*. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. 2-е изданіе. Цѣна 25 к.

Очерки по философіи математики. *Ш. Фрейссине*. Переводъ съ французскаго *В. Обреимова*. 2-е исправленное изданіе. Цѣна 60 коп.

Содержаніе: I. *Анализъ*. Пространство и время.—Безконечность.—Непрерывность и дѣлимость до безконечности.—Безконечно малое. Предѣлы.—О методѣ безконечно малыхъ.—Вычисленіе безконечно малыхъ.—Анализъ безконечно малыхъ и матеріи. II. *Механика*. Сила и масса.—Динамическая емкость.—Тяжесть.—Задача динамики.—Общія законы движенія.—Количество движенія.—Живая сила. Энергія.—Сохраненіе движенія и энергіи въ природѣ.—Возможная причина уменьшенія энергіи.—О постоянствѣ законовъ природы.

Критика новѣйшихъ системъ морали *Альфреда Фуллэ*. Перев. съ франц. *О. Конради* и *Е. Максимо-вой*. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Мораль въ теоріи эволюціи и въ дарвинизмѣ.—Позитивизмъ. Независимая мораль.—Мораль по изученію критицизма.—Кантовская мораль.—Теорія нравственности въ ученіи германскихъ пессимистовъ.—Мораль спиритуализма.—Эстетическая и мистическая мораль.—Теологическая мораль и солидарность.—Заключеніе.

Нравственность и воспитаніе *Ф. Тома*. Пер. съ французскаго *Е. Леонтьевой*. Ц. 30 к.

Содержаніе: Наука и нравственность.—Нравственность безъ свободы. Нравственность безъ принужденія.—Солидаризмъ.—Пессимизмъ.—Эстетическая мораль.—Диллетантизмъ.—Долгъ и выгода.—Индивидуализмъ.

Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней проф. *Г. Геффдингса*. Пер. съ нѣмецкаго. Цѣна 2 р.—491 стр.

Содержаніе: Нѣмецкая просвѣтительная философія и Лессингъ.—Иммануиль Кантъ и критическая философія.—Философія романтизма.—Кантъ и французская философія.—Дж. Ст. Милль и возрожденіе англійской философіи въ XIX вѣкѣ.—Эволюціонная философія въ Германіи отъ 1850 до 1880 г.

Введеніе въ философію *В. Вундта*. Перев. съ нѣмецкаго *С. Штейнберга* и *С. Львова*. 308 стр. Ц. 1 р. 25 к

Содержаніе: Задача и система философіи.—Классификація наукъ.—Историческое развитіе философіи.—Греческая философія.—Христіанская философія.—Новая философія.—Основныя направленія философіи.—Гносеологическія направленія.—Эмпиризмъ.—Раціонализмъ.—Критицизмъ.—Метафизическія направленія.—Матеріализмъ.—Идеализмъ.—Реализмъ.—Этическія направленія.

Самосознаніе *Теодора Липпса*, проф. Мюнхенскаго универс. Перев. съ нѣмец. *М. Лихарева*. Ц. 30 к.

Новое ученіе о нравственности *Ант. Менгера*, перев. съ нѣмецк. *А. Даманской*, съ приложеніемъ критическаго очерка *К. Каутскаго* Ц. 30 к.

II. БИБЛИОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ.

Это изданіе, выходящее въ Германіи подъ редакціей извѣстнаго и русской публикѣ профессора Рих. Фалькенберга, имѣетъ цѣлью въ общедоступной формѣ ознакомить съ жизнью и ученіемъ главнѣйшихъ представителей философской мысли.

Въ настоящее время вышло II выпусковъ:

Фр. Нитцше, какъ художникъ и мыслитель. Проф. А. Рилля, 2-е исправл. изд., съ портр. Ц. 50 коп.

Гербертъ Спенсеръ. Отто Гауппа, съ портр. Ц. 50 к.

Ж. Ж. Руссо и его философія. Проф. Г. Геффдинга, съ портр. 2-е изданіе. Ц. 50 коп.

Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. Фр. Паульсена, Проф. Берлинскаго универс. (съ портретомъ). 2-е дополн. изданіе. Ц. 1 руб.

Платонъ, В. Виндельбанда. Проф. Страсбург. универс., перев. А. Громбаха. 2-е изданіе, Ц. 50 к.

А. Шопенгауеръ, его личность и ученіе. I. Фолькельта, проф. Лейпцигскаго универс. (съ портр.) Ц. 1 р.

В. Вундтъ. Эдмунда Кенига, Пер. В. Базарова, съ портр. Ц. 50 к.

Т. Карлейль. Проф. П. Гензеля, переводъ П. Морозова, съ портр. Ц. 75 к.

Дж. Ст. Милль. Его жизнь и произведенія. С. Зенгера, пер. подъ ред. Е. Максимовой, съ портр. Ц. 50 к.

Аристотель. Проф. Зибекка. Его философія и психологія, переводъ В. Базарова. Ц. 50 к.

Фейербахъ. Проф. Фр. Юдля, перев. Е. Максимовой, Ц. 50 к.

IV. ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

История первобытного человечества. *М. Гернеса.* Перев. съ нѣмецкаго съ 4 рисунк. 2-е изданіе. Ц. 50 к.

Содержаніе: Что такое первобытная исторія?—Положеніе человѣка въ природѣ.—Главные признаки человѣческой культуры.—Древнѣйшіе слѣды человѣка.—Новѣйшій каменный вѣкъ.—Арійцы и семиты.—Свайныя постройки.—Металлы.—Бронзовый вѣкъ.—Гальштатскій періодъ.

История человеческой культуры. *И. Гонеллера.* Пер. съ нѣмец. Цѣна 60 коп.

Гуманность въ исторіи человечества. *В. Штальберга.* Перев. съ нѣмецк. *Н. Леонтьевой.* Ц. 80 коп.

Содержаніе: Что такое гуманность?—Гуманность древнихъ.—Гуманность въ средніе вѣка.—Гуманность новаго времени.—Вѣкъ реформаціи.—Вѣкъ абсолютизма и просвѣщенія.—Наше время.

История политическихъ ученій. Проф. *Ф. Поллака.* Пер. съ англійскаго *А. М. Гердъ.* Ц. 50 коп.

Содержаніе: Начало науки о государствѣ.—Политическія ученія греческихъ философовъ.—Средніе вѣка и эпоха Возрожденія.—Восемнадцатый вѣкъ и Общественный договоръ.—Современныя теоріи суверенитета и законодательства.—Указатель литературы.

Статистика и наука объ обществѣ. Проф. *Н. Рейхсберга.* Пер. съ нѣмец. *А. Струве.* Ц. 50 коп.

Рабочій трудъ въ западной Европѣ. Полный пер. со 2-го нѣмец. изд. (*Die Arbeiterfrage*). *Г. Геркнера.* 2-е удешевленное изданіе. Цѣна 2 руб.

Содержаніе: Критика современнаго хозяйственнаго строя съ точки зрѣнія экономической и соціальной.—Культурныя и политическія опасности современнаго строя.—Профессиональные союзы рабочихъ.—Дѣятельность рабочихъ союзовъ, преимущественно англійскихъ.—Критика дѣятельности рабочихъ союзовъ.—Страхованіе рабочихъ.—Законодательство объ охранѣ рабочихъ. Благотворительныя учрежденія, основываемыя работодателями.—Потребительныя и производительныя товарищества.—Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.—Квартирный вопросъ.—Алкоголизмъ и рабочій вопросъ.—Соціализмъ и коммунизмъ.—Государственный социализмъ. Движеніе въ пользу земельной реформы.—Христіанство и рабочій вопросъ.—Анархизмъ.—Соціальная политика

комунальнихъ учрежденій. Дарвинизмъ и соціальная политика.—Соціальное движеніе во Франціи.—Соціальное движеніе въ Англіи.—Соціальное движеніе въ Германіи, Австріи и Швейцаріи.—in 8°, стр. 512+XL.

Университетскія и соціальныя поселенія *У. Ризона*.
перев. съ англ. подъ ред. проф. *Д. Петрушевскаго* Ц. 80 к.

Содержаніе: Обь университетскихъ поселеніяхъ.—Университетскія поселенія.—Дѣятельность поселеній въ обл. нар. образованія.—Поселенія и законы о бѣдныхъ.—Организація народныхъ развлеченій.—Англійскія женскія поселенія.—Клубы рабочихъ дѣвушекъ.—Поселенія и рабочій вопросъ.—Американскія поселенія.—Отношеніе поселеній къ мѣстному самоуправленію.—Приложенія. 242 стр.

Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII в.
В. Базарова и *И. Степанова*. Ц. 50 к.

Содержаніе: I. Общественныя противорѣчія въ XVI и XVII вѣкѣ. Кальвинизмъ и лига.—Эпоха Фронды.—Людовикъ XIV. Политика хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ.—II. Крестьяне и сельское хозяйство.—III. Жанъ Мелье.—IV. Промышленность въ XVI и XVII вѣкѣ.—V. Верассъ.—VI. Государств.—романы и описаніе путешествій въ XVI и XVII вѣкѣ.

Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. *Лили Браунъ*. Перев. съ нѣм. Ц. 2 р. 580 стр. большого формата.

Содержаніе: I. Развѣтїе женскаго вопроса до 19 вѣка и женскій вопросъ въ древности.—Христіанство и женщины.—Экономическое положеніе женщинъ.—Положеніе женщинъ въ духовной жизни.—Женщины въ эпоху Революціи.—II. Экономическая сторона женскаго вопроса.—Борьба за трудъ среди женщинъ буржуазіи.—Главные факторы буржуазнаго женскаго движенія.—Профессіональная дѣятельность женщинъ съ принципиальной точки зрѣнія.—Развѣтїе пролетарскаго женскаго труда.—Статистика женскаго пролетарскаго труда по послѣднимъ переписямъ.—Современное положеніе работницъ.—Женское рабочее движеніе.—Отношеніе буржуазнаго женскаго движенія къ движенію работницъ.—Соціально-политическое законодательство и его задачи.

Среди фламандскихъ рабочихъ. *Ог. де Виннъ*, перев. съ франц. *З. Кочетковой*. Цѣна 50 коп.

Задачи городского самоуправления. В. Тотоміанць,
ц. 20 коп.

Историческій матеріализмъ и критическая философія
І. Давыдова. Ц. 1 р. 25 коп.

Содержаніе: Вмѣсто предисловія. Обь идеализмѣ, марксизмѣ и народничествѣ.—Соціологическія основы историческаго матеріализма.—Идеалистическій и реалистическій моменты въ общественной философіи.—Мораль долга и идея автономной личности.

Общинное право. Опытъ соціально-юридическаго анализа общиннаго землевладѣнія, какъ института гражданскаго права А. С. Изюева, ц. 50 коп.

Въ концѣ іюня выйдутъ новыя изданія:

А. Богдановъ.

РЕВОЛЮЦІЯ и ФИЛОСОФІЯ.

Ц. 7 к.

К. Марксъ.

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

изъ неизданной рукописи ;

[перев. съ изданія К. Каутскаго

подъ редакціей Г. Плеханова

вып. I. ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

